ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 39 1 МАЯ 1903 ГОДА № 39

ПОСЛЕДНЯЯ КАРТА ЦАРИЗМА.

У нас опять начинаются еврейские погромы. Всем известно, какой отвратительный, жестокий и мрачный характер имеют движения такого рода. Религиозный фанатизм, племенная вражда, желание поживиться на чужой счет, насилие, издевательство над слабыми, а подчас и зверская жестокость, — словом, самые дикие страсти находят в них самое дикое выражение. Но только что совершившийся кишиневский погром побил рекорд дикости и зверства. Никогда еще «громилы» не были так предприимчивы, никогда еще не были они так беспощадны и никогда еще число их жертв не доходило до такой высокой цифры. В ту минуту, когда мы пишем эту статью, убитых и умерших от ран насчитывается уже более ста. За ними отправится на тот свет, вероятно, еще не мало страдальцев, изнывающих теперь в тяжелых муках. «Разгром длился с полудня 6-го до 8 апреля на рассвете, — говорит Комитет Кишиневской соц.-демократической организации, — и, можно сказать, нет буквально ни одной еврейской квартиры, не пострадавшей так или иначе, ни одного целого стекла в окнах... Море перьев на улицах; перьями, как инеем, облеплены деревья, заборы; груды разбитой, уничтоженной, искрошенной рухляди и одежды; среди перьев, обрывков русских и еврейских книг, лоскутьев священных еврейских облачений, кофточек, старых брюк и обломков мебели — камни, обагренные, насквозь пропитанные человеческой кровью; ручейки запекшейся крови на тротуарах, в коридорах, в домах... Пострадали более всего беднейшие еврейские кварталы. Уничтожены мелочные лавочки, рундуки, разорена голь, убиты беззащитнейшие из беззащитных... Плач и стон висит над городом...»

Описывая тот же погром, один из наших корреспондентов говорит: «Врывались в дома, грабили, убивали; убивали матерей, защищавших своих детей, а детей бросали из окон третьего этажа... С конок схватывали людей с еврейскими лицами и тут же убивали. Евреи в панике бежали в город, но их ловили на улице и убивали; некоторым удалось достичь вокзала, они уезжали в Одессу. В Одессу приезжали целые поезда полураздетых евреев, не евших по два, по три дня... Многие еще до сих пор не нашли своих детей, так как последние в ужасе прятались в погреба, в бочки и, вероятно, умерли там от голода. Родные не узнают трупов, так они изуродованы буянами... Кто же совершал эти ужасы? Кто нес плач и стоны в среду «беззащитнейших из беззащитных?» Толпа «громил» отличалась очень пестрым характером. В ней были и пришлые строительные рабочие, и ремесленники, и земледельцы. Но замечательно, что во многих местах толпой руководили «интеллигенты»: нотариусы, члены управы, врачи. «Мы не говорим уже, — прибавляет названный Комитет в своей прокламации, — о сочувственном отношении к действиям толпы со стороны глазевшей публики, состоявшей главным образом из чиновников с их дамами, офицеров и буржуазии. Своим вызывающим смехом, шуточками, одобрительным понуканием толпы, подбадриванием ее, а подчас указаниями и советами она морально воздействовала на дикие инстинкты толпы и приводила ее в то непонятное остервенение, последствием которого явились выдернутые с животом ноги, отрезанные языки и губы и изнасилованные девушки и беременные женщины. Учащиеся раз'езжали на велосипедах и поддерживали сообщение между отдельными отрядами громил. Чиновники и „интеллигенты" запасались во время беспорядка письменными принадлежностями из разгромленного магазина Шаха».

Пусть же нравственная ответственность за совершенные в Кишиневе неистовства падет прежде всего на эту жадную, испорченную и жестокую будто бы интеллигенцию, лишенную самой элементарной гуманности, чуждую самомалейшего сознания своей обязанности перед страною. Это отребье человечества, эта подлая чернь, облыжно именующаяся образованным классом, покрыла себя несмываемым позором перед всем цивилизованным миром. Всякий, кто знает имена этих «интеллигентных» громил, должен довести их до всеобщего сведения. Нам известно, например, что нотариус Писаржевский и сын местного богача Синодино отмечали мелом еврейские дома и указывали квартиры тех христиан, которые укрывали евреев. Мы спешим прибить эти имена к позорному столбу *.

Для темных, бессознательных рабочих, принимавших участие в кишиневских разбоях, еще не закрыт путь прогресса. Нынешний «громило»-пролетарий может со временем понять интересы своего класса, для отстаивания которых необходимы дружные усилия рабочих без различия религии и племенного происхождения. И тогда в его сердце проникнет жгучий стыд при воспоминании о тех зверствах, в которых он принимал деятельное участие вследствие своей темноты и неразвитости. Логика пролетарского движения такова, что под ее неотразимым влиянием будут все более и более исчезать в рабочей среде национальные и племенные предрассудки. А какова логика движения той «образованной» и чиновной черни, которая наслаждалась зрелищем кишиневского разбоя или даже руководила им? Странный вопрос! Эта среда

* Излишне называть редактора «Бессарабца» Крушевана, подготовлявшего погром своей литературной проповедью. Постыдная известность его имени и без того очень обширна.

знает только движение товарных цен, да еще движение по службе; она неспособна увлечься никакой широкой общественной идеей. Она рукоплещет насильственным действиям, направленным против евреев, не потому, что не понимает своих классовых интересов, а потому, что она понимает их слишком хорошо, и потому, что эти интересы, по своей узкости и ограниченности, подсказывают ей политику злопыхательного мракобесия. Часть принадлежащих к этому общественному слою лиц ненавидит евреев по той причине, что те являются для них возможными или действительными конкурентами на разных поприщах жизни; другая часть их с завистью, злобой и страхом видит в евреях представителей движимого капитала, разлагающего и размывающего наш нынешний крепостнический государственный и общественный порядок; наконец, обе эти части, равно как и все прочие разновидности наших антисемитов, с одинаковым удовольствием готовы издеваться и насильничать над еврейским рабочим, который им, — привыкшим уважать лишь внешнее могущество, — кажется презренным, во-первых — потому, что он пролетарий, а во-вторых — потому, что он пролетарий особой породы, пролетарий, лишенный даже такого жалкого подобия жалких прав, которым обладают русские пролетарии христианского вероисповедания. Избавить евреев от преследований, идущих со стороны этого слоя нашего населения, может только революция, которая сметет с лица русской земли постыдные остатки средневековых учреждений и, уровняв еврея в гражданских и политических правах со всеми другими гражданами, поставит его под защиту демократической конституции!

Но отличительную черту «образованной» черни составляет, как известно, трусость, вследствие которой она, как говорится, держит нос по ветру, т. е. чутко прислушивается ко всем распоряжениям, идущим из «высших сфер». И если эта трусливая чернь храбро поддерживала кишиневских буянов, то ясно, что она не опасалась вызвать этим неудовольствие начальства; ясно, что еврейские погромы представлялись ей согласными с видами предержащей власти. И она не ошиблась. Правительство не только не торопилось остановить кишиневский еврейский погром, но раздувало его всеми зависящими от него средствами. Оно само забрызгано кровью замученных в Кишиневе евреев.

Это правительство, которое, как директор полиции в известной оперетке, хочет все знать, все видеть и совать свой нос повсюду, притворилось, что оно ничего не знало о приготовлениях к погрому, о которых знал весь Кишинев; это правительство, которое так заботится об «общественном спокойствии», что отвечает казацкими нагайками и полицейскими шашками на самые мирные демонстрации сторонников политической свободы, сделало вид, что оно не может справиться с кишиневскими «громилами»; это правительство, неизменным девизом которого в борьбе со всяким освободительным движением является быстрота и натиск, оказалось точно парализованным, когда ему нужно было охранять имущество и жизнь кишиневских евреев. В воскресенье, в два часа пополудни, кишиневский губернатор, г. фон-Раабен, — который, наверное, знал бы, что ему надо делать, если бы речь шла об усмирении «бунтовщиков», но который теперь, очевидно, боялся «не потрафить» и потому не решался действовать по собственному усмотрению, — г. фон-Раабен телеграфировал в Петербург, требуя указаний. Ответ на его запрос пришел только в шесть часов вечера в понедельник. Нам неизвестно, что именно отвечал г. Плеве, но уже одно то обстоятельство, что он не отвечал более суток, показывает, что министерство внутренних дел ничего не имело против погрома. Низшие полицейские инстанции очень хорошо поняли это и потому не только не защищали евреев, но прямо содействовали их избиению. В «Последних Известиях»[1] Заграничного Комитета Бунда мы читаем: «Когда толпа нападала на какой-нибудь дом, полиция придерживалась такой тактики: дав толпе уничтожить все, что возможно было, она внезапно являлась и говорила: «довольно, идите дальше», руководя таким образом действиями толпы. В одном месте толпа евреев собралась для защиты магазинов и чтобы оказать сопротивление. Является пристав и велит толпе расходиться. Та отказывается, тогда призывается конный патруль, который врезывается в толпу и нагайками разгоняет евреев. Через несколько минут туда же являются погромщики, а полиции и патруля и след простыл! В другом месте евреи, спасаясь от мученической смерти, по крышам домов добрались до полицейского участка и почувствовали себя на минуту спасенными, но их сейчас же прогнали на улицу и отдали на растерзание дикой толпе. После погрома в саду найдена безграмотно написанная прокламация приблизительно такого содержания: «Полиция начала грабить, а теперь, получив хабару от евреев, начала нас сажать в тюрьмы»... В народе читались грамоты, в которых по высочайшему повелению приказывается избивать евреев. В словах найденной в саду безграмотной прокламации вряд ли есть какое-нибудь преувеличение. Почин грабежа, повидимому, действительно принадлежит полиции. Только что цитированный нами № «Последних Известий» сообщает, что еще накануне Пасхи помощник пристава Добросельский, зайдя в табачный магазин Бендерского, бесцеремонно запустил руку в кассу и вынул оттуда пять рублей. В ответ на протест удивленного хозяина он заметил: «Все равно мы вас всех жидов на Пасху перережем». Но это еще не все. Крестьянин Соловьев, принимавший участие в погроме, пришел в полицейский участок и заявил, что им убит еврей. Его посадили в арестантскую, но... на другое утро он был найден мертвым. Полиции нужно было во что бы то ни стало воспрепятствовать ему давать показания.

Это было тем более необходимо, что она слишком уже постаралась, и высшему начальству пришлось, для приличия, привлечь ее к ответственности. По окончании погрома у приставов и надзирателей сделаны были обыски, и у многих из них найдено было награбленное золото и серебро. Нечего сказать, хороши эти представители «порядка»! Само собой разумеется, что заботливое начальство сделает все, чтобы скрыть следы их преступления. За это ручается хотя бы то, что в следствии по этому делу принимают участие, между прочим, такие чиновники, которые сами грабили евреев.

Дальше этого издевательство над правосудием итти не может. Повторяем, царское правительство сверху донизу, от министра внутренних дел до последнего кишиневского сыщика, обагрено кровью замученных в дни Пасхи евреев.

Это теперь видят все и каждый, это повторяется теперь даже консервативной западной печатью, никакие «раз'яснения» и «сообщения» со стороны правительства не помогут ему скрыть истинное положение дела. Нет и не может быть на свете такого ловкого софиста, которому удалось бы снять с него нравственную ответственность за организацию дневного разбоя, за соучастие в грабеже и убийстве!..

Однако, зачем же понадобилось ему организовать разбой? Какую пользу принесло ему соучастие в грабеже и убийстве?

На это легко ответить.

Царские слуги хорошо понимают, что, чем больше растет наше рабочее движение, тем неустойчивее становится наш «старый порядок», и тем более приближается тот день, когда они должны будут расплачиваться за свои бесчисленные преступления перед русским народом. И они всеми силами стараются отдалить наступление этого судного дня. Борьба с постоянно растущим рабочим движением стала для всех них отчаянной борьбой за свое собственное существование. И они ведут эту борьбу с жестокостью и коварством, достойными самой мрачной эпохи падения Византии. Нет такой подлой меры, перед которой они остановились бы в своей «охранительной» политике. Сначала они попытались разрушить возникающие рабочие организации путем проникновения в них шпионов и провокаторов всякого рода; они надеялись воскресить в этих организациях практику печальной памяти Дегаева[2],—первый период зубатовщины. Потом, увидев, что этот прием не приносит всех тех плодов, которые от него ожидались специалистами полицейского развращения; убедившись в том, что самосознание нашего рабочего класса беспрерывно делает все новые и новые шаги вперед и что социалистическое движение все более и более грозит стать движением массы, — они сделали попытку привлечь массу на свою сторону, обещая ей некоторые экономические уступки и оказывая ей некоторую поддержку в борьбе с капиталистами, — второй период зубатовщины. Эта попытка сопровождалась и дополнялась попыткой довести до отчаяния передовых представителей пролетариата и толкнуть их на дорогу никого не терроризующего «террора», — первомайские розги прошлого года. Наконец, когда эта попытка оказалась такою же неудачною, как и усилия создать в рабочей среде влиятельную «независимую» партию и остановить успехи социал-демократии, правительство Николая Малоумного выкинуло на стол свою последнюю карту: оно старается теперь затемнить быстро зреющее самосознание русского пролетариата, заразив его ядом племенной вражды и религиозного фанатизма. Своим преступным поведением во время кишиневского разбоя русское правительство как бы говорит нам, социал-демократам: «Вы хотите разбудить массу; вы стремитесь сделать ее могущественнейшим фактором дальнейшего исторического развития России. Очень хорошо! Будите массу, но знайте, что нерадостно будет для вас ее пробуждение; помните, что масса есть кровожадный зверь и что, когда этого зверя спускают с цепи, он безжалостно терзает все его окружающее, не отличая своих от чужих, не разбирая ни правого ни виноватого. Вы взываете к массе, повторяя свой боевой клич: „пролетарии всех стран, соединяйтесь!“, а в ее среде загорится национальная вражда и русский рабочий примется „разносить“ своего же собственного товарища, если только этот товарищ принадлежит к другому племени или исповедует другую веру. Вы хотите разбудить массу. Посмотрите же на ее кровавые подвиги и сознайте безумие своего замысла». Вот что говорит нам русское правительство своей организацией кишиневского разбоя, своим соучастием в кишиневских убийствах. И надо сознаться, что эти его слова не лишены внушительного красноречия. Они могут показаться тем боле убедительными, что в начале восьмидесятых годов графу Игнатьеву удалось направить в антисемитическое русло быстро усиливавшееся народное недовольство и тем надолго затормозить революционное движение в России. Нам, социал-демократам, предстоит ответить на внушительное красноречие антисемитических разбоев еще более внушительным красноречием революционного действия.

Нам предстоит фактами убедить правительство в том, что времена изменились и что оно не знает, каковы русские рабочие в настоящее время.

Наша партия, идущая во главе пролетариата, обязана показать, что правительство ошибается в расчете, полагая, что ему удастся развратить русский рабочий класс антисемитической травлей. Она обязана вызвать противодействие антисемитизму из самой рабочей среды. Она обязана собственными силами организовать отпор «громилам». Как именно нужно делать это в том или другом случае, зависит, конечно, от местных условий. Там, где наша партия уже так сильна, что она может при первой надобности выдвинуть на улицу несколько сот решительных рабочих, она должна немедленно силой подавлять всякие попытки анти-еврейских «беспорядков». Там, где ее влияние еще не так велико, ей следует отвлекать внимание волнующейся массы от евреев и направлять эту массу против полиции путем устройства демонстраций, нападения на полицейские здания и т. п. Наконец, там, где ей не удастся даже и это, наши комитеты должны, по крайней мере, смело и самоотверженно выступать против бушующей толпы и защищать евреев, — и вообще избиваемых инородцев, — не отступая ни перед опасностью, ни перед нелепыми упреками*. Они должны помнить, что, спасая избиваемых, они будут спасать честь своей партии, честь русского пролетариата и будущность всего нашего движения.

Царское правительство выкинуло на стол свою последнюю карту. От нас зависит убить ее и тем отрезать ему последний путь спасения. Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия свято исполнит свой долг перед русским рабочим классом, перед всей страною. На нее смотрит теперь социал-демократия всего мира.

[Г. Плеханов]

---

* Говорят, что в Кишиневе нескольким смелым людям удалось отстоять целых два квартала. Социал-демократы не должны никому уступать честь такого энергичного почина.

КИШИНЕВСКИЕ СОБЫТИЯ.

Перед нами целая масса описаний кишиневских ужасов. Опубликовать их все нет возможности. Мы выбираем свидетельства очевидцев, проведших в Кишиневе 6 и 7 апреля или приехавших туда тотчас после погрома.

Начнем с письма, автор которого рассказывает буквально лишь то, что видел своими глазами. «В воскресенье на первый день Пасхи, приблизительно к двум часам, я была на Пушкинской улице вместе с женщиной-врачом глазной лечебницы и ее племянником (христианами). Мы услыхали, что на Гостиной улице бьют окна, и решили отправиться туда посмотреть, в чем дело. На Пушкинской, между Фонтанным переулком и Александровской, я со своими провожатыми услышала, как Писаржевский, нотариус, со смехом и злорадством рассказывал другому господину, что у жидов бьют окна и, между прочим, у него также разбиты несколько стекол. Мы отправились вниз по Пушкинской; начиная с угла Александровской, все окна магазинов, не закрытые ставнями, были разбиты вдребезги. То же самое было и на всех улицах, по которым мы проходили. То тут, то там шла толпа с каменьями из мостовой и бросала их в окна. Полицейских нигде, если не считать нескольких городовых на постах, глазеющих на толпу, как и мы. Было уже часов 5 — $5^1/_2$, когда усталая и с тревогой в душе я направилась домой и повсюду видела отсутствие полиции и присутствие нескольких городовых с надзирателями, которые очень строго гнали евреев, не трогая православной толпы. Кучка, бьющая окна, состояла из 6 — 8 парней, похожих на празднично одетых рабочих, которых сопровождала толпа зрителей, состоявшая из прилично одетых дам в шляпах и господ в котелках и с тросточками. Зрители большей частью относились настолько сочувственно к бьющим окна, что сопровождали криком «браво» меткий удар камнем по стеклам. Такое же битье стекол, такое же поведение публики и пассивное отношение полиции были в других частях города, по рассказам моих практиканток, людей безусловно правдивых. В понедельник, в 6 часов утра, я отправилась в город. Настроение еврейской публики было очень тревожное, ожидали чего-то страшного, но пока было тихо. По улице ходили патрули, состоящие из 5—10 солдат с ружьями. Я, было, даже успокоилась, увидав солдат. Ведь не даром я выросла в России и привыкла к тому, чтобы солдаты водворяли спокойствие. Но мое спокойствие скоро было нарушено. Часа через два, т. е. в 8 часов, начался разгром. Не будучи в состоянии сидеть в комнате, я с 8 часов утра была на улицах до 8 часов вечера. Погром, таким образом, продолжался всего 12 часов. Громили лавки и квартиры исключительно еврейских домов, т. е. тех, в которых вчера выбили окна. На Пушкинской улице, между Николаевской и Харлампиевской и по всей Харлампиевской не осталось ни одного магазина. Даже железные шторы не всегда спасали. Опять-таки толпа состояла самое большее из 15 — 18 человек, не старше 20 лет, по костюму больше горожане. Они ломали камнями ставни и затем руками срывали уже поломанные ставни, влезали в магазины и начинали выбрасывать буквально все к тем, кто оставался снаружи. Наружная толпа все рвала и бросала: дорогие мантильи, шляпы, перья, ленты, ботинки, золотые вещи, книги, — все было разрушено и разбросано. Куски материи рвались на узкие полосы и тут же топтались ногами. Духи, мыла разбрасывались в разные стороны. В числе зрителей были чиновники окружного суда, акцизного правления и казенной палаты. Зрители или относились пассивно или буквально по-

ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО.

V. Пролетариат и крестьянство на Западе.

(Окончание.)

Оппортунисты западно-европейского социализма, так называемые критики Маркса, много пишут и говорят теперь о сельскохозяйственной кооперации. Они видят в ней путь, по которому сельское население может придти к социализму, миновав капиталистическую фазу. В глазах некоторых из них этот путь имеет то преимущество, что, выступив на него, сельское население избежит не только капитализма, но также и классовой борьбы, которая с успехом будет заменена союзом классов*. Эта неожиданная для нас перспектива настолько интересна, что мы считаем нелишним остановиться на вопросе о названной кооперации.

Известно, что между сельскими товариществами первое место по численности и величине оборотов почти везде занимают кредитные товарищества. Так, например, из 15.054 товариществ, числившихся в Германии к 1 июля 1901 г., было:

Кредитных	10.487
Товариществ для совместной закупки	1.294
Молочных товариществ	2.047
Прочих	1.206

Обороты германских кредитных товариществ равняются приблизительно 1.750.000.000 мар. У русского читателя, сочувствующего всякого рода «ассоциациям» и знающего, как плохо идет их дело в нашем отечестве, при виде этой цифры может произойти даже легкое головокружение. Ее во всяком случае нельзя не признать весьма почтенной. Но каковы могут быть экономические последствия развития кредитных товариществ в деревне?

Товарищества этого рода очень облегчают крестьянину дело совершения займов, без которых ему часто совсем нельзя обойтись в своем хозяйстве. Нуждой крестьянина в деньгах часто пользуется ростовщик, выжимающий из него последние соки. Деревенское ростовщичество представляет собою далеко не новое явление. Напротив, — по замечанию Маркса, — ростовщический капитал принадлежит, вместе со своим близнецом — торговым капиталом, к допотопным формам капитала, возникающим задолго до появления капиталистического способа производства и встречающимся в различных экономических

* См. Die moderne Agrarfrage, von Dr. A. Nossig, Berlin — Bern, 1902, стр. 480 и многие другие.

ощряли толпу. На протесты некоторых зрителей раздавались ответы вроде: «Да оставьте, это—только жидов!» Одновременно, когда на Пушкинской грабили лавки, другая толпа, состоящая также из 15 — 20 парней, громила Николаевскую, Гостиную, Александровскую, Подольскую, Кузнечную, Садовую, Остановскую и другие улицы, начиная с Бендерской, по направлению к вокзалу, причем небольшие кучки врывались в еврейские квартиры, сорвав предварительно оконные рамы, и первым делом разрывали все подушки и выбрасывали их на улицы. Далее ломали мебель на кусочки, кресла, диваны, этажерки, одним словом—все, что было в доме. Но это еще не все. Раз'яренная толпа теми же кусками мебели начала бить тех евреев и евреек, которых заставала в квартирах. Били куда попало: по голове, по рукам, и в результате уже похоронено до сегодняшнего дня (13 апр.) 43 покойника. 80 человек тяжело раненых лежит в еврейской больнице и каждый день делается 180 перевязок приходящим, не считая тех, которые лечатся у частных врачей. Что же делали в это время войско и полиция? Они стояли и смотрели; когда же дом был совершенно разгромлен, они обращались к толпе: «будет — дальше, дальше!», или патруль врывался в центр толпы с криком: «расходись, расходись!», делил толпу на две части и уходил дальше, давая* возможность толпе соединиться снова и действительно работать дальше. Когда же спрашивали офицера, почему патруль позволяет громить и разрушать, он отвечал: «Мы должны ходить только для парада, вмешиваться нам запрещено, не приказано». Полиция тоже не мешала работать.

«Что еще писать? Пожалуй, несколько отдельных сцен. Толпа в 4 часа дня, усталая, подходит к углу Николаевской и Минковского переулка. Одна дама, в шляпе, с прилично одетым господином, обращается к одному из участников с вопросом: «Что, Павлик, работаешь? Но вот где нужно работать, тут два миллиона» (указывает при этом на дом Перельмутера), а тут жидовская типография Шлиомовича; ничего, жидов много, отстроятся снова». Толпа начинает рвать и вырывает деревянные двери в типографии, дальше наталкивается на железные двери—и от усталости не может совладеть с ними; тогда деревянная дверь ломается тут же на куски, стаскивается еврейская женщина с извозчика, который в эту минуту проезжает, и ее начинают буквально истязать и топтать ногами. Наконец, подходит патруль и с криком «расходись!» гонит дальше ту же толпу. Вот еще сцена. Толпа врывается в еврейскую лавку бакалейщика и начинает все разрушать. Какой-то сердобольный поп подходит и начинает просить толпу не трогать этой лавочки; ему отвечает какой-то господин: «Да не волнуйтесь, батюшка, ведь это только жидов бьют!» В то время как часть толпы била и разрушала, другая часть старалась что-нибудь захватить и унести. Женщины, похожие на горничных и вообще прислугу, одевались в мантильи-гейши и уходили; тащили также платки, белье, серебро, бриллианты из еврейских домов и уносили. Не без греха осталась и полиция в смысле утайки чужой собственности.

«В течение целого понедельника, когда происходили погромы, евреи неоднократно обращались к губернатору за помощью. Но помощь была дана, когда уже треть евр. домов была разграблена. С 6 часов утра вторника город был об'явлен на военном положении. Повсюду войска в полной военной аммуниции, и с этого момента погромы прекратились. Город до сих пор на военном положении. Разграбленные улицы представляют одну груду щепок, квартиры зияют своими дырами вместо окон и дверей. Масса бездомных и бесприютных. Сняты пока несколько зал для помещения этих бесприютных.

формациях*. Но эта старинная форма отличается чрезвычайной живучестью. Исследование, сделанное в 1887 г. по почину «Союза для социальной политики», показало, что ростовщик очень хорошо чувствует себя даже в современной германской деревне. Мы не думаем, конечно, что теперь его царство в немецкой деревне окончилось; но мы полагаем, что его власть была поколеблена распространением сельских кредитных товариществ. И чем больше станет возникать таких товариществ, тем легче будет немецкому крестьянину избегать сетей ростовщика. В этом смысле значение кредитных товариществ очень плодотворно. Но это их плодотворное значение вовсе не делает из них моста, по которому крестьяне могли бы перейти в социализм, минуя капиталистические отношения производства.

Как влияет ростовщический капитал на экономику деревни? Он задерживает ее развитие. Он разоряет и порабощает себе производителей, но он не изменяет способа производства. Этот способ остается неизменным; влияние ростовщика сказывается лишь в том, что производственный процесс совершается при условиях, все менее и менее благоприятных для производителей. Поэтому устранить ростовщика из деревни значит открыть для нее путь экономического развития. А открыть для нее этот путь не значит помешать вторжению в нее капитализма. Наоборот, чем скорее пойдет она по этому пути, тем скорее разовьются в ней капиталистические отношения. Устранение допотопной формы капитала приведет к расцвету его новейшей формы.

Мы видим отсюда, что сельские кредитные товарищества не способны содействовать появлению тех «ячеек», из которых, по словам «критиков», сложится социалистическое общество. Если они приведут к социализму, то не иначе как через капитализм и путем борьбы классов. Пойдем далее.

Во многих государствах Западной Европы начинают играть довольно значительную роль товарищества для закупки необходимых земледельцу материалов и орудий, а также для сбыта продуктов земледелия. В Германии общая сумма оборотов таких товариществ доходила в 1900 г. до 100 миллионов. Это, конечно, далеко не то, что мы видели в кредитных товариществах, но и это—уже не маленькая цифра. Надо заметить еще, что в будущем этим товариществам, очевидно, предстоит еще очень широкое развитие. «Близнецы» ростовщиков, — торговцы, интересам которых угрожают эти товарищества, уже теперь приходят по их поводу в большое волнение.

* Das Kapital, III, 2, 132.

Вот и все, больше писать не могу, у меня какой-то хаос в голове...»

Другое письмо из Кишинева от 16 апреля.

«О погроме в городе циркулировали слухи задолго до Пасхи. Я лично не придавал этим слухам никакого значения и считал погром невозможным. Я и теперь убежден, что если б не полиция и войска, погром был бы немыслим; но именно этого последнего обстоятельства я не принимал во внимание... Благодаря присутствию военного доктора, наш дом уцелел. Но что же делалось во дворе, населенном почти одними евреями? Все высыпали на двор, ходили взад и вперед, тревожно с минуты на минуту ожидая нападения; начали сносить имущество в погреба и сараи или переносили его к живущим во дворе русским; особенная тревога ощущалась ночью, весь двор не спал, все собирались в одну комнату и бодрствовали целые ночи; женщины и дети плакали, ломали в ужасе руки. Тревога и паника усиливались по мере того, как до нас доходили сведения, что весь разбой совершался на глазах у полиции и патрулей; следовательно, неоткуда ждать защиты и все население оставлено на произвол судьбы. Надо вам сказать, что о насилиях над людьми мы узнали только в конце второго дня, когда один прибежал сказать, что в больницу привозят раненых. Об'ясняется это тем, что убийства происходили главным образом на окраинах города. Только тогда, когда мы поспешили в больницу предложить свои услуги, страшная картина развернулась во всей своей потрясающей наготе. Больничные палаты, коридоры, приемные были наполнены ранеными с семействами, маленькими грудными детьми, а пол „мертвецкой“ был усеян свыше 30 трупами. Трупы были обезображены, их одежда была покрыта перьями и пухом... Словом, это были плач и стон, это было огромное горе, которое не поддается абсолютно никакому описанию. Тот, кто не был свидетелем всего этого, кто не пережил тех дней, из описания получает одно лишь приблизительное и бледное представление. Люди, должно быть, будут читать обо всем этом и приблизительно так же, как мы читаем о турецких зверствах в Македонии. Это событие застраховало меня навсегда от необходимости чем-либо возмущаться. Ничего в такой степени возмутительного, полагаю, уже не произойдет. Зверства, конечно, будут, войны также, но я разумею обстановку, при которой все это произошло: полиция, войско, чиновничество, учащиеся, лица либеральных профессий и, наконец, темная, невежественная масса подали друг другу руки и „вместе двинулись вперед“. Это была круговая порука цинизма, грубого и жестокого, общественной деморализации, низости и падения.

«Был ли организован погром? Несомненно, да. Но каким образом это произошло — неизвестно. Есть основание предполагать, что в предварительной организации погрома принимала участие полиция. Во всяком случае, она знала заранее о могущих произойти событиях. И все ужасы, все зверства и убийства совершались на глазах приставов, околоточных, солдат. Помощник пристава Добросельский, на глазах которого толпа убила старика еврея, крикнул толпе: „Убейте его сына“; сын случайно спасся и лежит теперь в больнице. Арестован помощник пристава, у которого нашли много золотых вещей.

«Несомненно, дело приняло теперь очень громкий характер; полиция и следователи ведут следствие; из кожи лезут вон, чтобы замазать его постольку, поскольку в нем замешаны полиция и чиновничество. Да и могут ли местные судебные следователи сколько-нибудь беспристрастно вести следствие, когда все они тоже антисемиты. Вот как они обращаются к потерпевшим евреям: „Ну, жидовская морда, что ты скажешь?“ или „Есть у тебя христианские свидетели, хорошо, а нет — ступай“.

и стараются остановить их успехи. Торговцы по-своему совершенно правы. Этот вид товариществ может нанести значительный ущерб интересам торгового капитала, значительно ограничив область его приложения*. Но и ограничение области приложения торгового капитала не равносильно устранению капитализма. Совсем нет. Лишая посредников той роли, которую они играли до сих пор в сношениях между производителями указанных выше предметов и их потребителями, кооперация содействует уменьшению численности среднего класса и тем самым расширяет пропасть между крупной буржуазией — с одной стороны и пролетариатом — с другой. Правда, исчезновение посредников-торговцев может быть возмещено ростом благосостояния некоторой части крестьянства, которая перейдет в ряды средней буржуазии. Но такой переход будет означать слоение крестьянской массы, которое подготовляет проникновение в деревню капиталистических отношений производства и связанной с ними борьбы классов, а это вряд ли может быть признано надежным путем избежания капитализма и классовой борьбы.

К этому надо прибавить, что в товарищества рассматриваемого вида соединяются и могут соединяться исключительно самостоятельные производители. Наемному труду в них нечего делать, и потому сельские батраки не принимают в них никакого участия. Э. Купэ совершенно справедливо замечает, что солидарность, связывающая их членов друг с другом, есть солидарность собственников и что такая солидарность не представляет собою чего-либо свойственного одному земледельческому населению: она не менее часто встречается и в промышленности*.

Значит, мы здесь вынуждены сделать вывод, уже сделанный нами выше: если кооперативные товарищества приведут деревню к социализму, то они сделают это не иначе, как ускорив ее переход через капитализм.

А производительные товарищества? Говоря о них, надо прежде всего помнить, что собственно в земледелии они в настоящее время чрезвычайно редки, вследствие чего даже самые убежденные сторонники «кооперативного принципа» не возлагают на них почти никаких надежд или даже относятся к ним совер-

* См. интересную книгу Эли Купэ, Le mouvement syndical et cooperatif dans l'agriculture française. Montpellier. 1898.

* Назв. соч., стр. 60.

Один судебный следователь—постоянный сотрудник „Бессарабца"; следователи ни за что не вносят в протоколы фактов, могущих скомпрометировать полицию.

«Сейчас же после погрома появилось воззвание дамского комитета Красн. Креста с приглашением жертвовать в пользу евреев. Дамский комитет состоит под председательством жены вице-губернатора, — это те же заклятые антисемиты, которые захлебывались от восторга Крушеваном и которые могут быть названы настоящими виновниками погрома; в своем лицемерном воззвании они обрушиваются с упреком на ту массу, которую они сами же науськивали. И вот, вместо того, чтобы с негодованием отвергнуть помощь со стороны всех этих негодяеев, евреи сами же поддерживают этот гнусный „дамский комитет" материально. „Бессарабец" имел наглость пожертвовать 50 руб. в пользу евреев, но ему вернули их обратно.

«Приведу несколько фактов; каждый из них дополняет картину различных моментов происшедшего погрома.

«Вчера нашли одного ребенка в печке убитым. На 108-й версте от Кишинева в ящике нашли законопаченным труп еврея. У него оказались отрезанными губы и язык, которые нашли у него в кармане. Один кузнец-еврей случайно встретил на улице молодца, который убил трех евреев; он сейчас же забежал в участок и заявил помощнику пристава: „Арестуйте такого-то и такого-то". — „У нас места уж нет, куда их сажать; берите его себе, если вам хочется", — был ответ. Этот молодец до сих пор разгуливает, быть может, на свободе.

«Забыл сказать, что пока известно о 20 случаях изнасилования девушек и женщин. 3-го дня умерла в больнице 12-летняя девочка, изнасилованная. Предполагают, что количество изнасилованных гораздо больше, т. к. пострадавшие скрывают. Мне также известно, что одна девушка, когда ей пришлось скрыться от преследования в амбар или сарай, запаслась карболовой кислотой для того, чтобы отравиться в случае, если бы ее вздумали подвергнуть изнасилованию.

«Ворвались в одну семью, состоящую из старухи, замужней дочери и детей. На них набросились, били, кусали. Это было поздно. Несчастная мать схватила ребенка и почти голая в отчаянном ужасе побежала по улице искать спасения. Она забежала в первый попавшийся полицейский участок; но перед ее носом захлопнули дверь и вытолкнули ее. Я мог бы писать без конца.

«В одном из номеров „Бессарабца" помещена статья под заглавием „Жертвы стихии" за подписью Вич. (это и есть тот самый судебный следователь). „Есть, — говорит он, — научная теория, по которой землетрясения ставятся в связь с увеличением числа и размеров пятен на солнце... Нельзя ли поставить в связь с ними (т. е. с солнечными пятнами) и стихийные явления из жизни народов, вроде, например, последнего погрома. Такое предположение не будет слишком смело", — говорит эта наглая газета.

«Какая простая философия! Погром произошел под влиянием каких-то солнечных пятен! Уж, конечно, совершенно излишни были какие-нибудь меры со стороны властей; против солнечных пятен ведь ничего не поделаешь. Но я думаю, что, если уж говорить о пятнах, то не о солнечных, а о более близких к нам; таким, например, пятном является „Бессарабец" с его позорной кликой на фоне Бессарабии.

«В екатеринославской газете „Вестник Юга" от 13/IV есть передовая статья по поводу кишиневского погрома, в которой дается достаточная оценка Крушевану. „Кровью кишиневских жертв обрызганы листки крушеванской печати, с которых не перестает звучать дикая травля", говорится там».

шенно отрицательно*. Несравненно большее значение имеют товарищества для обработки тех или иных продуктов земледелия или скотоводства, напр. сыроварни, молочные, маслодельные заводы, мельницы, булочные, винокурни и т. п. предприятия этого рода, без сомнения, приносят своим участникам подчас очень значительные выгоды, но никаких «ячеек» социалистического общества они собою не представляют по той простой причине, что путь к капитализму расчищается ими еще решительнее, чем другими видами деревенской кооперации.

Чтобы убедиться в том, нам нет надобности отправляться «на Запад»: достаточно взглянуть на русские артельные сыроварни и маслодельни. Вот наглядный пример:

В 1896 г. в селе Алсуфьеве Вологодской губ. образовалась маслодельня, в которой приняло участие 53 лица, владеющих 250 коровами. В числе тех лиц было четыре землевладельца с 124 коровами, 2 священника и 2 псаломщика с 15 коровами и 45 крестьян из 10 сел, окружающих Алсуфьево, со 111 коровами*. Если дела маслодельни шли хорошо, то крестьяне, принявшие в ней участие, наверно живут теперь много лучше, чем жили прежде. Но ведь они и прежде не принадлежали к деревенской бедноте: у каждого из них в среднем было почти по $2^1/_2$ коровы. И если эти крестьяне живут теперь много лучше, чем прежде, то расстояние, отделявшее их от деревенской бедноты, значительно увеличилось. А это и есть то слоение сельского населения, которое так сильно способствует развитию сельскохозяйственного капитализма. И не надо думать, что алсуфьевская артель представляет собою что-либо исключительное. Нет, в рассматриваемом отношении она как нельзя больше похожа на все прочие артельные предприятия не только в России, но и за границей. Вот опять пример: В 1891 г. в Винциге, в Силезии, образовалось мукомольно-хлебопекарное товарищество; в него вошло 23 домохозяина с капиталом в 85.000 марок. Это составляет в среднем на каждого товарища довольно круглую сумму, имеющуюся далеко не у каждого крестьянина. В Винцигскую артель вошла, стало быть, только

* Так, Давид в своей недавно вышедшей книге «Sozialismus und Landwirtschaft» высказывает (стр. 700) ту мысль, что, даже добившись политической власти, социал-демократия не должна была брать на себя организацию собственно земледельческих товариществ. По отношению к земледелию в собственном смысле слова Давид оказывается чистейшим индивидуалистом. Труден только первый шаг. Посмотрим, остановится ли на нем этот «критик Маркса».

* П. Пахомов. Очерк современного состояния молочного хозяйства в России. Москва. 1900, стр. 22.

В письме от 9 апреля рассказывается:

«В понедельник 7 апреля утром начался настоящий разгром, начали в нескольких частях города сразу, кучками по 15—20 человек. Врывались в еврейские дома, грабили, убивали; убивали матерей, защищавших своих детей, а детей бросали из окон третьего этажа. Предводительствовали толпой нотариус Писаржевский и сын бессарабского богача Синадино: они помечали мелом еврейские дома и указывали квартиры тех христиан, которые прятали еврейские семьи. Этих русских толпа обыкновенно убивала. На этом основании администрация Кишинева говорит, что громили не одних евреев; но в сущности это была настоящая резня евреев среди бела дня. С конок скидывали людей с еврейскими лицами и тут же убивали. Евреи в панике бежали в город, но их ловили на улице и убивали, некоторым же удавалось достичь вокзала, они уезжали в Одессу. В Одессу прибывали целые поезда полураздетых евреев, не евших по 2 — 3 дня. Между прочим, их не пускали на курьерские поезда и в кассе отвечали, что это делается по распоряжению полиции. Интересно поведение губернатора в тот день, т. е. понедельник. Он ответил еврейской депутации, что он ничего поделать не может, пусть защищаются сами; тогда мясники и биндюжники (самые сильные из евреев) устроили защиту на Новом Базаре и, конечно, разогнали толпу по переулкам и рассеяли ее в несколько минут; тогда Думский (пристав, известный мерзавец, взяточник, который, между прочим, получал у кишиневских богатых евреев в те дни за охрану имуществ от погрома 100, 200 и 300 руб. в день; так, напр., у миллионера Г.) крикнул евреям разойтись, а то он стрелять будет, а рассеянную русскую толпу буянов городовые и надзиратели, не скрываясь, снова собирали из переулков. В грабеже участвовали солдаты и офицеры. При разгроме одного большого мануфактурного магазина офицерские жены выбирали себе куски материи и кричали солдатам „стой, не поливай“, так как громилы поливали товар керосином. На Александровской улице большой магазин золотых и серебряных вещей; хозяин его увидел из окна, что офицер и надзиратели наполняли свои карманы его драгоценностями, выстрелил и уложил на месте офицера; его тотчас же арестовали. Городской голова Шмидт скрывал у себя больше десяти семейств евреев. Когда он попробовал увещевать толпу, то его чуть не разорвали. Когда предводитель дворянства Крупенский обратился к губернатору за раз'яснением насчет бездействия полиции, фон-Раабен ответил, что его (т. е. Крупенского) мол не трогают, а что касается распоряжения полиции, то это его дело. Крупенский решил телеграфировать в министерство вн. дел, но на кишиневской почте не приняли телеграммы без разрешения губернатора, и она была, наконец, отправлена лишь из Бендер (1 час езды от Кишинева).

«К тому моменту, когда пришло распоряжение об'явить Кишинев на военном положении и приказать стрелять, полиция уже заблаговременно усмирила все. Когда приехал прокурор, губернатор повез его вокруг своего дома, чтоб доказать, что „жиды мутят“, что в сущности погрома не было. Явившейся к нему, т. е. к прокурору, еврейской депутации он так и сказал, что евреи наделали шуму на всю Россию, между тем как ничего почти не произошло, но депутаты упросили его отправиться с ними по Кишиневу, и тогда только он узнал обо всем.

«Пока, т. е. до среды, насчитывалось до ста убитых и 480 раненых, из которых ежедневно многие умирают. Многие не нашли еще до сих пор своих детей, так как последние в ужасе прятались в погреба, в бочки и, вероятно, умерли уже там от голода. Родные не узнают трупов, так они изуродованы. К одному богатому еврею В. ворвалась толпа, нашла его в каморке, где он спрятался,

---

местная крестьянская «аристократия». Если ее дела шли хорошо, то эта «аристократия» стала еще больше отличаться по своей зажиточности от своих односельчан, чем это было до основания товарищества. А ее дела шли так хорошо, что мукомольно-хлебопекарные товарищества начали возникать и в других местностях Силезии. В 1893 г. подобная же «артель» образовалась, например, в Гурау. В этой артели числилось 60 домохозяев различной степени зажиточности. На оборудование своего предприятия она употребила в дело 155.101 марку*. Это опять составило настолько кругленький капиталец, что деревенской «демократии» вряд ли можно было думать об участии в «артели». Если предприятие принесло выгоду, то оно увеличило неравенство между жителями Гурау. А это, как мы уже знаем, новый шаг для развития там капитализма.

Но этого мало. Артели этого рода в огромнейшем большинстве случаев «работают» наемными руками, что уже прямо превращает их в капиталистические предприятия. Для примера укажем на голландские товарищества для обработки молочных продуктов.

* Die geschichtliche Entwicklung des landwirtschaftlichen Genossenschaftswesen in Deutschland, von Dr. F. Müller, Leipzig, 1901. S. 449.

Первоначально эти продукты обрабатывались в Голландии капиталистами sans phrases. Но скоро крестьяне увидели, какие большие выгоды приносит это дело, и стали заводить артельные маслодельни. Первая артельная маслодельня появилась в 1887 г. в Варге, а 1 января 1900 г. таких маслоделен считалось уже 68, число же их участников было более 400. Дела их идут очень хорошо, и приносимые ими выгоды служат крестьянам значительным подспорьем в хозяйстве. Таким образом, можно, повидимому, сказать, что в области обработки молока голландский капитализм встретил победоносного соперника в лице крестьянских артелей. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что крестьянские маслодельни сами эксплоатируют наемный труд и потому сами должны быть отнесены в разряд капиталистических предприятий.

По словам Кальсбеека, товарищество имеет в глазах крестьянина лишь то преимущество, что направляет в его карман прибыль, прежде попадавшую в руки капиталиста. «Крестьянин вступает в товарищество, чтобы получить как можно больше за свой товар. Его предприятие имеет чисто капиталистический характер. Его собственные интересы враждебно противостоят там интересам рабочего; он стремится к тому, чтобы за возможно меньшую плату

потребовала деньги, он отдал ей несколько тысяч, затем его изуродовали сечкой, вырезали язык, затем убили, а сын его сошел с ума.

«Между прочим, губернатор и полицмейстер будут смещены: должно быть, пересолили, а у приставов и надзирателей производили обыски и у тех, у кого находили награбленного золота и серебра (а таких было много), арестовывали. Из Одессы вызвано несколько кандидатов на судебные должности для допроса, более тысячи свидетелей.

«Те из буянов, которых арестовали, заявляют при допросе: нас полиция послала, обещала нам все, что мы хотели: и „работу", и „защиту", и „хлеб", а теперь нас же сажают в кутузку.

«Между прочим, Крушеван (редактор „Бессарабца"), который деятельно помогает фон-Плеве в его новой тактике, заканчивает свои гастроли в Кишиневе и переезжает в Одессу, где предполагает издавать газету „Истина"».

Переходим к рассказам людей, приехавших в Кишинев 10 — 11 апреля при первых известиях о погроме: «Я отправился, — пишет один, — к моим родственникам, но застал опустошенный дом... Где обитатели этого дома, я так-таки и не мог узнать по той простой причине, что соседние дома также опустошены и имеют такой же ужасный вид». Не найдя также и знакомых, автор отправился бродить по разгромленному городу. «Проходя по страшно опустошенной местности, я на расстоянии нескольких кварталов не насчитал ни единого человеческого жилья: все было пусто, страшно пусто, с зияющими рамами в домах... В городе, обыкновенно оживленном, теперь — редкие прохожие, по большей части раненые, и частые патрули драгун и пехоты. Не знаю только, кого и что они охраняют». Восстановив из рассказов картину ужасных убийств 7 апреля, автор добавляет, что «еще и теперь, три дня после этого, находят трупы в клозетах, ямах и погребах». В согласии со всеми корреспондентами, он констатирует, что по общему свидетельству именно полиция парализовала самозащиту евреев и руководила убийцами. В тех редких местах, где ее не было, «евреи защищались и очень успешно, а в присутствии полиции они не смели и думать о самозащите. Каждую собравшуюся кучку евреев она разгоняла или арестовывала. Как только было разрушено все, охранявшая полиция отгоняла или вернее приглашала руководимых ею зверей на другое место. При осмотре опустошенных домов сразу заметно, что тут действовали, не боясь и не стесняясь временем, на что указывает тщательность отделки и удивительная аккуратность в ограблении исключительно еврейских домов». Начавшееся следствие побуждает полицию к новым мерзостям: «Она ходит по домам и просит не обвинять ее, деликатно намекая на то, что в противном случае представит протоколы в нежелательном для свидетелей смысле. Некоторые евреи действительно пугаются этой угрозы»... «Тщательность отделки», «чистоту работы» громил констатирует и другой корреспондент, приехавший в Кишинев 10 апреля. Только без всякой помехи и под охраной полиции небольшая кучка озверевших громил могла совершить в короткое время такую работу. Все мнения сводятся к тому, говорит корреспондент, что достаточно было бы десять вооруженных людей, чтобы положить конец всем зверствам и разрушению, и он не был положен лишь благодаря полиции. «Любопытнее всего то, что почти все арестованные в один голос заявляют, что они не виноваты, полиция им «велела», и заявляют они это в глаза полицейским чинам». Это подтверждается и в других письмах и корреспонденциях: арестованные громилы утверждают, что сама полиция предложила им эту «работу» и обещала «охрану». Корреспонденту случилось попасть на кладбище в тот момент, когда трупы

получить как можно больше труда, и в борьбе классов играет роль капиталиста, обладателя средств производства*. Выходит, что в капиталистическом обществе нельзя отбояриться от капитала: гони его в дверь, он влетит в окно.

Заметим, наконец, что и внутри товариществ капитал умеет находить себе место и отстаивать свое «право». Вандервельде[3] рассказывает, что, посетив один из наиболее процветающих артельных заводов западной Фландрии, он застал там следующее положение дел: «Основанное в 1880 г., это товарищество считает теперь 465 членов, принадлежащих к самым различным слоям деревенского населения; тут есть и рабочие, имеющие по одной корове, и мелкие крестьяне, имеющие их по 2 и по 3 штуки, и крупные фермеры, имеющие их до 50 штук. Капитал, взятый взаймы у богатого землевладельца той же деревни, давно уже выплачен. В общем собрании участвуют все члены товарищества; ими выбирается распорядительный совет; повидимому, мы находимся здесь в царстве полнейшей демократии, и однако на самом деле зависимость земледельцев от крупных землевладельцев так велика, так безусловна, что никто из них не осмелился бы возвысить голос и воспользоваться теми правами, которые даются ему буквой устава; всем делом управляет, весьма впрочем ловко, его основатель» *.

И это вовсе не исключение. Вандервельде прибавляет, что в товариществах, не обладающих собственным капиталом, неимущие члены еще более порабощены капиталистами **. А собственного капитала не имеют все те товарищества, которые ведут крупное дело и употребляют дорогие машины. «Конечно, пока дело идет о маленьких молочных, в которых нет машин, крестьяне могут довольно легко собрать между собою необходимый капитал или занять его в местном товариществе, но теперь все более и более становится очевидным, что крупные молочные, применяющие паровые машины, во всех отношениях выгоднее мелких... Для основания паровой молочной необходим довольно значительный капитал: по крайней мере, 30 или 40 тысяч франков. Поэтому часто,—чтобы не сказать всегда,—случается, что этот капитал ссужает какой-нибудь денежный человек — землевладелец или крупный фермер, которому принадлежит — по договору или в силу вещей — верховное господство над всем пред-

---

* «Die genossenschaftlichen Molkereien in Holland und ihre Arbeiter «Neue Zeit» от 18 октября 1902 г., стр. 91.

* Essais sur la question agraire en Belgique, Paris, 1903, pp. 177 — 178. Основатель и есть местный крупный землевладелец.
** Ibid., p. 178.

замученных лежали открытыми, так как их фотографировали. «Нужны, — говорит он, — сильнейшие нервы, чтобы это выдержать... Я видел среди убитых старика, разорванного надвое, у одной женщины живот распорот и внутренности вываливаются. Девятимесячный ребенок лежит с раздробленной головой рядом с матерью, у которой вырван язык и отрезаны груди»... Мы не продолжаем ужасных перечислений...

Кишиневская полиция перестаралась. Ужасы вышли слишком поражающими и неслыханными. Правительство спохватилось и уже начинает умывать руки. Полиция Кишинева «устранена от исполнения своих обязанностей» и несколько полицейских чинов арестовано. Но уже поздно. Ничто уже не поможет Плеве и его «охранительной партии» отмыться от своего преступления. Вся совокупность обстоятельств этого преступления слишком очевидно свидетельствует о том, что оно задумано, подготовлено и пущено в ход как одно из средств сохранения самодержавия. Полиция перестаралась, средство вышло слишком сильным и пациенту от него не поздоровится, но дело сделано и его не вычеркнешь Адские муки беззащитных людей, вырванные языки, раздробленные головки детей, вырезанные груди уже неотделимо срослись с самодержавием. Теперь уже не поможет никакая ложь и никакие меры. Такие бьющие по нервам ужасы по самой природе своей не могут не приобрести всемирной известности, не могут не врезаться в память всех и каждого.

[В. Засулич]

ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ.

Теперь, когда кровавые кишиневские события поставили перед нами на очередь чрезвычайно важный практический вопрос о том, как противодействовать «антиеврейским беспорядкам», небесполезно будет вспомнить, что в 1881 г. почти на всем Юге России происходили еврейские погромы, не только принесшие с собой много совершенно незаслуженного и ненужного горя множеству еврейских семейств, но и способствовавшие возникновению национальных предрассудков даже в таких слоях нашего населения, которым прежде они были совершенно чужды. Без всякого преувеличения можно сказать, что психологические последствия еврейских погромов 1881 г. не переставали вредить нашему социалистическому движению в течение всего последнего двадцатилетия. Уже одного этого, — помимо естественных и неизбежных побуждений гуманности, которые у социалистов должны быть гораздо сильнее, чем у людей «старого мира», — было достаточно для того, чтобы наша партия сделала решительно все зависящее от нее для борьбы с антисемитическими «громилами».

Кишиневский погром был организован местными юдофобами при любезном участии полиции. Бациллы антисемитизма усердно культивируются в полицейских участках. Правительство, очевидно, хочет повторить прием 1881 г., когда оно остановило начинавшееся революционное брожение в народе, своевременно открыв предохранительный клапан еврейских погромов. Но двадцать два года, протекших с тех пор, чрезвычайно изменили положение дел. Теперь в русском рабочем классе есть уже несравненно больше сознательных элементов, чем было их в то время. Эти сознательные элементы сумеют дать решительный отпор нашим антисемитам.

В борьбе со стихийными движениями, подобными еврейским погромам, несколько энергичных и сознательных революционеров могут сделать чрезвычайно много. Во время ростовских беспорядков 1879 г. толпа, возбу-

---

приятием и которому достается также, под видом процентов; большая часть прибыли» *.

Предприятия, заводимые будто бы для борьбы с капиталом, создают широкое поприще для его подвигов. И капитал спешит устремиться в это новое для него поприще. В марте 1900 г., под фирмой «Центральная контора крупных бельгийских молочных», в Бельгии было основано анонимное общество, главной целью которого является именно ссуда денег «кооперативным» предприятиям. Значение этого шага было так ясно, что организованное бельгийское крестьянство пришло в волнение. Льевенский «Крестьянский Союз» постановил, что кооператоры не должны входить ни в какие сношения с названной конторой. Но это не помешало ее успехам. «И уже теперь можно предвидеть,— замечает Вандервельде,—что при первом же кризисе множество мелких молочных, работающих с недостаточным капиталом, исчезнет, уступив место паровым молочным, которые очевидно превосходят их и в техническом и в коммерческом отношении» **.

А между тем, в молочном хозяйстве дело бельгийских кооперативных товариществ обстоит все-таки лучше, чем в других отраслях обработки сельскохозяйственных продуктов. Если для устройства паровой молочной нужны по крайней мере 30 или 40 тысяч франков, то для устройства хорошо оборудованного сахарного завода необходимо иметь не менее 800 тысяч. Поэтому мы видим, что хотя сахарные заводы и носят иногда кооперативную этикетку, но в сущности они имеют чисто капиталистический характер *. То же приходится сказать и о винокурнях, пивоварнях и т. п. В виду всего этого Вандервельде, который еще несколько лет тому назад, именно в реферате, озаглавленном: «Золотая свадьба научного социализма», высказывал к великой радости наших народников то убеждение, что сельскохозяйственная кооперация позволит деревне миновать капиталистическую фазу, теперь пришел к противоположному взгляду. В настоящее время он убежден, что сельскохозяйственные товарищества, размножающиеся в бельгийской деревне, «или будут прозябать в зачаточных формах, или, приобретая более важное значение, будут вместе с тем все более и более приобретать капиталистический характер» **. Это как раз то, что говорим мы, «фанатические» сторонники «марксовой догмы».

Правда, Вандервельде думает, что судьба сельскохозяйственных товариществ для производства

* Вандервельде, там же, стр. 179.
** Там же, стр. 179.

* Ср. Вандервельде, там же, стр. 189.
** Там же, стр. 194.

жденная и раздраженная дракой с полицейскими, проходила мимо синагоги. Мальчики стали кидать каменья в ее окна. Неизвестно, что произошло бы дальше, если бы из толпы не раздались голоса, решительно протестовавшие против этого и звавшие бить полицию. Толпа послушалась этих голосов и дала полиции такой превосходный урок, которого та долго не забывала: несколько полицейских частей подверглось жестокому опустошению. Это — хороший пример для подражания.

Не знаем, обратили ли наши читатели внимание на тот факт, сообщенный нашими «легальными» газетами, что в то самое время, когда в Кишиневе происходил еврейский погром, в Житомире толпа едва не избила четырех китайцев, служивших в местном цирке и вышедших посмотреть на праздничное гулянье. Зачем ей понадобилось бить китайцев? Очевидно, только затем, чтобы дать исход смутному недовольству, вызываемому тяжелыми условиями жизни, но еще не освещенному революционным сознанием. Когда полиция заметит, что в массе накопилось много такого недовольства, она, естественно, постарается отвратить его от себя и направить против «жидов», татар, армян, китайцев, словом, против первых встречных иностранцев или инородцев. Мы должны мешать ей открывать этот предохранительный клапан. На крики: «бей жидов!» (или других инородцев) мы должны отвечать криками: «бей полицию!» Настроение массы теперь таково, что эти крики не останутся без сочувственного отзыва: нам сдается, что житомирская толпа, собиравшаяся бить китайцев, очень охотно поколотила бы полицию.

Правительство играет очень опасную для него игру. Оно забыло, что теперь и пролетариат уже не тот, да не те и социалисты. В 1881 г. фракция, господствовавшая в нашем революционном движении, еще не стояла на точке зрения современного социализма и потому не сумела правильно отнестись к еврейским погромам. Она приняла их за начало социальной революции. Это ясно видно из ее тогдашних изданий.

Во внутреннем обозрении (№ 6 газеты «Народная Воля»*[4] еврейским погромам было отведено значительное место. По словам обозревателя, во всей России народ начинает сознавать, что он довольно уже терпит, но пока это сознание проявляется лишь спорадически: «Только на юге, прежде чем в других местностях, народное недовольство стало выражаться массовым революционным движением, получившим, в силу местных условий, антиеврейский оттенок». Далее мы читаем, что в настоящее время помещики, «как владеющий класс», являются на юге России чем-то совершенно уже отжившим и что народ уже не принимает их во внимание, относясь к ним скорее снисходительно, чем враждебно. «Все внимание обороняющегося народа, — продолжает обозреватель, — сосредоточено теперь на купцах, шинкарях, ростовщиках, словом на евреях—этой местной буржуазии, поспешно и страстно, как нигде, обирающей рабочий люд.. Откровенный, подчас насмешливый цинизм евреев в деле обирания не поддается описанию. Фигаро прошлого века (?) наверное был не менее смышлен и более совестлив». В подтверждение своих слов обозреватель ссылается на известную реакционную газету «Киевлянин», которая, конечно, не стесняется в своих нападках на евреев. Затем, приведя потрясающие душу описания «революционных» подвигов громил, обозреватель замечает: «По поводу еврейских погромов многие интересовались ролью, которую мы, социалисты-революционеры (sic!), оставляем за собою при подобных народ-

* Этот № помечен 23 октября 1881 г.

и продажи продуктов могла бы быть иная, если бы они были прочно соединены с обширными товариществами потребителей. Он указывает на некоторые молочные бельгийских крестьян-социалистов, сбывающие свои продукты потребительным товариществам городских рабочих и потому имеющие обеспеченное существование. Но, во-первых, и здесь «перспективы будущего» кажутся ему «довольно ограниченными»*. А во-вторых—и это всего важнее, — здесь вопрос о возможной роли сельскохозяйственной кооперации получает совершенно другое содержание.

Что потребительные товарищества при известных условиях могут оказать значительные услуги делу освободительной борьбы пролетариата, это убедительно доказано примером Бельгии, и на этот счет теперь бесполезно распространяться. Что организованная партия пролетариата может опять-таки при наличности известных условий привлечь к себе более или менее значительную часть мелкого крестьянства, ни на минуту не покидая при этом своей классовой точки зрения, в этом тоже невозможно сомневаться. Наконец, что организованная партия пролетариата может, в своем воздействии на крестьянство, опираться между прочим и на свои потребительные товарищества, это мы допускаем без малейшего колебания. Но все это доказывает только то, что пролетарий, выброшенный из деревни в качестве обнищавшего члена общины, может и должен вернуться в нее социал-демократическим агитатором. А это мы знаем по крайней мере со времени появления выработанного гр. «Освобождение Труда» проекта программы русской социал-демократии. И когда наши противники указывают на сельскохозяйственную кооперацию как на новый путь, по которому деревня может притти к социализму, не испытывая неприятностей классовой борьбы, они имеют в виду вовсе не эти товарищества крестьян, целиком зависящие от пролетарской поддержки. Они утверждают, что собственная внутренняя логика деревенской кооперации приведет крестьянина к социализму. И тут они жестоко ошибаются: эта логика ведет к капитализму.

Нам полезно будет запомнить этот вывод. Он поможет нам разобрать программу русских социалистов-реакционеров, которые возлагают на сельскохозяйственную кооперацию такие же огромные и такие же неосновательные надежды, какие связаны с нею у их родных братьев, оппортунистов западно-европейского социализма.

[Г. Плеханов]

* Там же, та же страница.

ных расправах. Во имя гуманности тяжело отвечать на это, но ответ сам по себе ясен. Помните у Тэна [5] одну сцену из французской революции? К трупу женщины, только что задушенной раз'яренной толпой, бросается один из убийц, распарывает ей грудь, вырывает сердце и в исступлении впивается в него зубами. Потрясающие сцены! Но неужели Робеспьер, Дантон, С.-Жюст и Демулен, в виду крайностей раз'яренного притеснениями народа, должны были отказаться от своей роли и своей обязанности в истории Франции? Проявления революционного движения зависят от миросозерцания известного класса или известного общества, но результаты его обусловливаются степенью его сознательности, причем направляющей силой является передовая, более энергичная и более сознательная революционная группа. Во Франции, во время революции, такой группой были якобинцы; в России ею является Исполнительный Комитет. Относиться не только отрицательно, но даже индифферентно к чисто-народному движению мы не в праве; мы обязаны выражать общую формулу всех сил, справедливо недовольных и активно протестующих, и сознательно направлять эти силы, удерживая при этом их исходный пункт». — Эти строки сопровождаются подстрочным примечанием, в котором говорится: «Автор здесь повторяет только взгляд, высказанный Исполнительным Комитетом в прокламации к Украинскому Народу, от 30 августа 1881 г.». Этим примечанием устраняются всевозможные недоразумения. Приведенный нами взгляд на еврейские погромы не был взглядом какого-нибудь отдельного народовольца; в 1881 г. он был, так сказать, официальным взглядом «Партии Народной Воли».

Прокламация же Исполнительного Комитета, на которую ссылается газета «Народная Воля», есть та самая, о которой говорит Тун в своей книге [6] (см. стр. 178 нашего издания) и которая призывает украинцев «мстить панам, грабить жидов и убивать чиновников».

Мы не станем доказывать здесь, что наши «социалисты-революционеры» начала восьмидесятых годов жестоко ошибались, воображая, будто антиеврейские движения похожи на тот могучий революционный взрыв, который положил конец существованию «старого порядка» во Франции. Доказывать это—значило бы обижать нынешнего читателя революционных изданий. Мы не станем и упрекать революционных деятелей прошлого времени за эту их жестокую ошибку: они уже сошли с исторической сцены. Да мы не затем и отметили их ошибку, чтобы пускаться в упреки. Мы только хотели сравнить прошлое с настоящим и показать, до какой степени нынешнее положение дел не похоже на то, которое существовало лет двадцать тому назад. Теперь и пролетариат совсем уже не тот и социалисты совсем другие. Поэтому и прием, удавшийся нашему правительству тогда, не удастся теперь. Времена меняются.

[Г. Плеханов]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Златоуст. Командированным от О. К. специальным лицом собраны следующие данные о златоустовской бойне.

До первых чисел марта 1903 года управление Златоустовских горных заводов руководствовалось при найме рабочих правилами, редактированными согласно высочайшему манифесту 1861 года. Эти правила являлись для заводских рабочих некоторым Habeas Corpus: ими утверждались некоторые права и привилегии заводского населения, именно рабочие имели право на земельный надел; им разрешались сходки в помещении завода для обсуждения их текущих дел. Кроме того, этими правилами вменялось в обязанность заводской администрации каждый раз, когда вводятся изменения или дополнения к условиям найма, публиковать таковые за 3 месяца до вступления их в силу, чтобы рабочие, ознакомившись с ними, могли в случае несогласия приискать себе другую работу. На этот раз поступили не так. 6 марта рабочим были выданы расчетные книжки с новыми условиями найма, выработанными на основании высочайше утвержденного мнения Государственного Совета от 11 марта 1902 года. Выдавая эти книжки, горный начальник поставил условием принять их в 3-дневный срок. Новые правила очень подробно предусматривали все, что касается обязанностей рабочих, но ни слова уже не говорилось об их правах. Получив эти книжки, рабочие задумались: «Эти книжки фальшивые, — решили старики, — раньше правила были составлены по высочайшему манифесту, а теперь о нем и помину нет. В прежних книжках было написано все, на что мы имеем право, а тут только о том говорится, на что мы не имеем права». Молодежь согласилась со стариками и усмотрела в новых правилах существенное нарушение прав и привилегий заводского населения, признанных манифестом 8 марта 1861 года. Рабочие большого прокатного цеха решили книжек не принимать, и в субботу, 8 марта, все три неработавшие смены заявили полицмейстеру завода, что с новыми условиями найма они не согласны и что с понедельника они, вопреки приказу, будут работать на старых условиях. 8 марта рабочие отправились к председателю заводского приказа Глепову с просьбой ходатайствовать об отмене новых правил. Председатель приказа по обыкновению умыл руки и посоветовал обратиться к управляющему заводом. За поздним временем рабочие мирно разошлись, ни минуты не сомневаясь, что новые правила будут отменены. 10 марта, в понедельник, они явились на завод, но нашли его со всех сторон запертым. Как выяснилось потом, управляющий завода, опасаясь бунта и не имея под рукой военной силы, отдал распоряжение завод запереть, а горный начальник Зеленцов телеграфировал уфимскому губернатору, прося выслать войска для усмирения рабочих. Утром 11 марта рабочие всех смен и всех цехов собрались на сходку во дворе завода. После незначительных дебатов решено было снова итти к начальнику приказа Глепову и просить защиты. Часть рабочих вместе с тем отправилась к исправнику с тою же просьбой. Глепов, выйдя к рабочим, сказал: «По распоряжению г. начальника главного управления заводов, я предлагаю вам избрать из своей среды уполномоченных для переговоров». Тотчас же были выбраны делегатами рабочие Симонов и Филимошкин. Когда они явились к Глепову, тот накричал на них, обозвал бунтовщиками и отправил в тюрьму. В среду, 12 марта, вечером, в Златоуст с экстренным поездом прибыл уфимский губернатор Богданович. Узнав об участи делегатов, рабочие опять направились к Глепову и совершенно мирно спросили о причине ареста их выборных. Он ответил, что выборные арестованы жандармским ротмистром Долговым. Тогда толпа направилась к горному начальнику с жалобой как на Глепова, так и на Долгова. Все время настроение рабочих было мирное. Они совершенно не могли уяснить себе причины ареста их выборных и ходили от горного начальника к жандармскому

ротмистру, от него к исправнику, но ничего не добились. Вечером 12-го они снова собрались перед домом горного начальника и просили освободить делегатов. Ни угроз, ни дерзостей, ни вызывающих криков, ничего этого не было. Было видно только, что толпа ошеломлена поведением властей и сосредоточенно хочет уяснить себе их поведение. Горный начальник, выслушав требование собравшихся, заявил им, что с своей стороны он ничего сделать не может, все дело зависит от губернатора, и посоветовал обратиться к нему. Тогда рабочие потребовали губернатора и подали ему прошение, в котором ходатайствовали: 1) о сохранении прежних правил, редактированных согласно манифесту 1861 года, и 2) об освобождении выборных товарищей. При появлении губернатора толпа сняла шапки. Приняв прошение, губернатор предложил толпе разойтись до утра. Толпа, совершенно мирно настроенная, тотчас начала расходиться. Утром 13-го, в четверг, рабочие снова стали стекаться к дому горного начальника, где остановился губернатор, и к 9 часам заполнили площадь. Здесь было около 6 тысяч челов. Пришли старые и малые. Собралось много посторонней нерабочей публики. Около 10 час. на крыльце появился губернатор. При виде его вся масса, заполнявшая площадь, сняла шапки и один за другим, перебивая друг друга, заговорили: «Ваше превосходительство, явите божескую милость, отмените новые правила. Оставьте нас по манифесту, не можем мы служить по новым правилам». «Молчать, — закричал Богданович. — Не могу я с вами всеми разговаривать. Выберите 3—4 потолковее, и я поговорю с ними!». Стоявший впереди рабочий закричал: «Да мы, ваше превосходительство, уже выбирали уполномоченных, да их в тюрьму садят». Губернатор бросился к нему и схватил его за бороду: «Пойдем-ка, я поговорю с тобой!». — «Ну, нет, ваше превосх., — запротестовал рабочий, — я еще не уполномоченный!» Вместе с этим толпа моментально втянула его в себя, и он в ней замешался. Губернатор снова потребовал уполномоченных, крича, что ему дела нет до прежних выборных, потому что они избирались не по его требованию. Тотчас были выбраны Варгунов и Лоськов. Их повели на завод, а оттуда в тюрьму; через несколько минут прибежали ребятишки и закричали: «А ваших выборных опять в тюрьму отправили». Тогда в толпе произошло движение. Послышался ропот: «За что взяли уполномоченных? Освободите! Сами же просили! Не хотим принимать новых правил!» Между тем, войска уже выстроились у собора по одной линии с домом горного начальника. Уездный начальник обратился к ротам с речью: «Ребята, помните, что вы не в неприятельской стране. Вас призвали сюда для того только, чтобы помешать насилию со стороны рабочих, если это случится. К оружию нужно прибегать только в крайнем случае — для самозащиты. А если будет отдан приказ стрелять, то помните, что надо избежать ненужного пролития крови!» — «Полковник, — закричал Богданович, — вы дискредитируете военный авторитет. Прошу вас замолчать!» — «Я вам еще не сдавал команды, ваше превосх.», — ответил уездный начальник и подал губернатору рапорт. Он отошел в сторону. Командование было передано поручику. В это время к губернатору подошла с двумя своими девочками жена одного из арестованных (первых) Филимошкина, и, указывая на девочек, сказала: «А кто теперь их будет кормить? Освободите мужа или возьмите вот их и кормите». Молодой поручик, принявший гарнизон, оттолкнул ее слегка и крикнул: «Уходи, что ты лезешь?» — «Я с тобой не разговариваю, — отвечала Филимошкина. — Чего тебе надо?»—И снова обратилась к губернатору. Поручик схватил одну из ее девочек и толкнул со злостью и руганью. Филимошкина не выдержала и дала офицеру пощечину при смехе толпы. «Что, с'ел? — с'ехидничала она. — Ты что здесь? все равно, что кобылий хвост пришит». Взбешенный поручик бросился на Филимошкину с обнаженной шашкой в одной руке и револьвером в другой, но воинский начальник крикнул: «Поручик, что вы делаете? На бабу с шашкой!» — Тот остановился, а толпа шумела... «Не хотим принимать новых правил! Не надо! Возвратите нам манифест!» Губернатор заорал на толпу: «Не галдеть! Я приехал сюда не просьбы ваши разбирать, а прекратить бунт. В моей губернии должно быть тихо — и нечего с вами тратить попусту время». Сказав это, он вынул шпагу и, обвязав ее платком, махнул два раза. Вслед за этим рожок заиграл сигнал стрелять. Полиция бросилась к толпе с криком: «Посторонитесь, отойдите, разойдитесь, сейчас стрелять будут!..». В толпе раздались крики: «Не могут стрелять! За что стрелять! Мы сами солдатами были. Где это видано! Если бы мы насильничали!.. Будут стрелять так только, холостыми! Не расходись, ребята!» Рожок проиграл. Первой шеренге роты было приказано стрелять с колена, т. е. наверняка. Расстояние до толпы было не более 50 саженей, а пули бьют на расстоянии 6 верст. Солдаты подобраны были, главным образом, инородцы — башкиры, мордва, чуваши — и рассортированы таким образом: в первой шеренге были старые солдаты, а во второй, которая стреляла, стояла молодежь. Раздался залп задней шеренги. Толпа шарахнулась и с криком бросилась бежать. Но вслед ей раздался второй, третий и четвертый залпы. Моментально площадь покрылась кровью. Массы раненых корчились в предсмертных судорогах. Первым залпом никого убито на площади не было, кроме башкирца с 2 лошадьми, который ехал за горой, в него пуля попала навесным огнем. Убита за горой также старуха, которая в это время зажигала у иконы лампадку. Первым же залпом убито два ученика городского училища, в котором продолжались уроки. Училище расположено на площади, и спокойное занятие в нем учителей говорило за то, что на площади бунта не было. Когда раздался залп, учитель велел всем ученикам лечь на пол, и только поэтому число жертв там было невелико. Когда дым от залпов рассеялся, на площади лежало 31 чел. убитых и массы раненых, всего до 250 чел. Один молодой рабочий после первого залпа бросился на крыльцо дома горного начальника и упал здесь за колонной. Он видел, как чиновники управления стреляли в бегущую толпу из окон и дверей дома горного начальника и из прорезного окна над дверью. Какой-то чиновник в форме лесничего, стреляя в толпу, увидал этого рабочего и, прицелившись из окна, сделал в него два выстрела из револьвера. Рабочий считал себя погибшим и лишь переворачивался с боку на бок, поднимая ноги. В то же время исправник, изрядно выпивший со всей свитой губернатора, собрал полицейских и приказал им стрелять в бегущих. Часть полицейских пуль попала в собор и отбила кусок штукатурки. Это видел местный протоиерей и настолько распалился гневом, что заявил, что он донесет по духовному начальству. Что палачи были подогреты выпивкой и закуской, это видно из того, что губернатор выгнал из дома горного начальника полицмейстера, который, очевидно, переборщил. «Уйдите, — сказал ему Богданович, — здесь вам не место». — «Куда же я пойду, ваше прев., толпа возбуждена», — взмолился полицмейстер. «Это не мое дело... Но вам здесь не место!» Полицмейстер вышел и, подойдя к толпе, сказал: «Братцы, ведь, я за вас... пропустите меня!» И толпа, подсмеиваясь, немедленно пропустила свое начальство, и начальство скрылось совсем, повидимому, под юбку жены и тем сняло с себя вину пролития невинной человеческой крови. Там и сям погибали раненые, купаясь в крови. Извозчики, на требование полиции везти убитых и раненых, отвечали: «Не повезем... Не хотим мы марать саней невинной человеческой кровью!» Но после угроз полиции они повезли искалеченный народ. Скоро прибыла и пожарная команда и из рукавов начала мыть площадь, что удавалось с трудом, т. к. снег напитался кровью. В этот же день на кладбище было подвезено 31 чел. убитых. Кладбищенский сторож рассказывает: «Сижу я в сторожке и вижу, под'езжает одна подвода, другая... „Что такое?" — думаю. Вышел. „Принимай страдальцев-гостей", — сказал мне извозчик. Господи, что такое? Меня так и ударило по голове. Помаленьку очнулся. Гляжу, пришла полиция. „Надо, — говорит надзиратель, — их обыскать, — ты иди отсюда!" Думаю, я уйду, а они тут чего-нибудь украдут у покойников, а после на меня свалят. „Не пойду", говорю. Стали обыскивать. Ни у кого ничего нет. Только у одного нашли кусок хлеба и 6 печеных картошек». Рассказ сторожа характерен уже по тому одному, что он даже не знал, что случилось в городе. Ясно, что ни вооруженного сопротивления, ни дерзостной, шумящей и осаждающей уфимского бога-Богдановича толпы не было. Доказывается

это и тем, что ни у одного из убитых не найдено никакого колющего или режущего орудия. Родственники убитых хотели всех похоронить в одной общей братской могиле, но начальство не допустило, и они должны были хоронить своих отцов, братьев, сестер, жен и матерей в разных могилах. Могилы эти стоят кучкой и все украшены искусственными цветами. Раненые были размещены в 3-х больницах: городской, земской и горнозаводской. Для всех нехватало мест, больные валялись всюду: в коридорах, в проходах, в конторе. В городской и земской больницах немедленно была подана медицинская помощь, а в горнозаводской трое суток не делали перевязок, вследствие чего несколько раненых умерло от кровоизлияния, а у некоторых произошло заражение крови и они не сегодня-завтра умрут. Помимо зарегистрированных раненых, многие скрываются на дому и на перевязку не ходят из опасения полиции и начальства. Из скрывшихся одна женщина умерла от заражения крови. Тщательный осмотр нашим уполномоченным дверей дома горного начальника дал следующие результаты: часть пулевых пробоин идет изнутри наружу, потому что выходные отверстия с расщепом, а входные — гладкие. Так оно и должно быть, ибо по показанию самых разнообразных свидетелей двери крыльца были полуотворены, и если бы стреляли в эти двери со стороны толпы, то на наружной стороне дверей были бы входные пулевые отверстия гладкие, а внутренние — с расщепом. Но этого нет. Кроме того, пробиты наискось косяки, что могло быть лишь в том случае, когда стреляющий, боясь высунуться из двери, стреляет из-за прикрытия. Дверь эта беспристрастная свидетельница охоты на людей... По пробоинам нельзя не заключить и о том, что изнутри дома кто-то стрелял из охотничьего ружья, повидимому, штуцера крупного калибра, но не из 3-линейной солдатской винтовки. Характерно, между прочим, то, что учитель городского училища, напуганный залпом, приказал ученикам лечь под парты. Тем не менее, как сказано выше, двое учеников были ранены, а один умер от нервного потрясения. У городского училища пробита балясина на балконе, около вывески и в двух местах крыша. Не менее характерно и то, что от «бунтующей, буйствующей, угрожавшей» толпы арсенал охранялся обычным одним только часовым. И только после бойни его заняла рота солдат. Златоустовское общество возмущено. Тотчас после дикой бойни оно пыталось дать коллективную телеграмму в Петербург, но бог-Богданович не позволил сделать это. Среди убитых и раненых есть несколько лиц, совершенно не принадлежащих к рабочему населению завода; так, убит доверенный уфимского лесопромышленника, складчик жел. дор. и одна телеграфистка. Буржуазная публика отнеслась, насколько это позволяет ее психология, очень симпатично к раненым: она доставляла им закуски, фрукты, вино и вообще проявляла большой интерес к ним и симпатию. Рабочее население завода смотрит волком... Оно затихло снаружи, но внутри его горит бушующее пламя. На лицах рабочих можно прочесть только два слова «недоверие и месть». «Что они с нами сделали? За что?» — говорят более экспансивные. — «Разве мы хотели буйствовать? Да если бы мы хотели это сделать... нас не выбили бы из этой ямы (город окружен со всех сторон горами) в течение года». «Бунтовать!.. — говорят другие, — да нам достаточно было бы взять несколько гранат, и от солдат осталось бы одно пустое место. Сами ведь мы делали гранаты-то... Только починить да привернуть запальную трубку. Нам стоило только крикнуть, и в один миг мы могли бы разобрать арсенал. Ведь его только один часовой охранял!» «Горный начальник еще 10-го числа хотел сделать бунт, — говорил другой рабочий. — Ну и сделал и добился своего. Но он получит свое»... Теперь город на военном положении; всюду ходят солдаты, фланирует конная полиция и мечутся всюду сыщики, ища корней и нитей. Но корней и нитей не оказывается и весь бунт придуман гг. Богдановичами, Зеленцовыми, Глеповыми и прочей челядью палача-самодержца. Что будет впереди — трудно сказать, но с уверенностью можно сказать, что бывшая доселе на глазах рабочих повязка спала и они увидели вещи в неприкрашенном виде.

Ростов н/Д.

(Из частного сообщения.) После того как демонстранты (2 марта), утомленные почти четырехверстным шествием, решили прекратить демонстрацию, убрали знамена и начали расходиться, — на месте действия появились войска. Только тогда, не слыша более революционных криков, обезумевшая от ужаса полиция пришла несколько в себя и начала действовать. Под прикрытием сотни казаков состоялся «военный совет» во главе с полицмейстером, у которого демонстранты сорвали саблю, переломили ее и бросили в воздух. Почувствовав себя в безопасности, околоточные и пристава начали ловить «зачинщиков», выхватывая из толпы наудачу отдельних «политиков». Несколько человек удалось отбить, причем здесь-то был смертельно ранен на-днях скончавшийся пристав 4-го участка В. Антонов. Это значительно сократило пыл полиции. Тем не менее на улице успели арестовать человек двадцать «зачинщиков». Из них 16 отправлено в тот же день в тюрьму. Среди этих лиц нет буквально-таки ни одного, имеющего хоть сколько-нибудь близкое понятие о революционном движении. В числе этих демонстрантов есть: уличный танцор, органщик (бродячий музыкант), уличный чистильщик сапог, какой-то восточный человек, не знающий русского языка, и т. д. По случаю великого поста большая часть демонстрантов этих скоромной пищи не вкушает. Но жандармам нужны жертвы, и они не освобождают этих горемык.

Вслед затем начинается эпидемия обысков и арестов. В ночь со 2-го на 3 марта арестованы А. Браиловский, А. Локерман и А. Логачева, у которых найден п е п е л, из чего жандармы делают заключение, что «что-то» было сожжено.

5 марта арестованы дев. Р. Локерман и М. Нагель за то, что подходили к тюрьме «очевидно, вести с заключенными переговоры». 8-го арестованы Миндлин, Охнянский и Диков. У Дикова при обыске «нашли» казацкую одежду на двух человек, в виду чего жандармы пред'явили ему и Охнянскому обвинение в пропаганде революционных идей среди верноподданного донского казачества. Через три дня Диков освобожден; обвинение с него снято, т. к. ему удалось доказать, что казачья одежда была у него оставлена на хранение. Затем были арестованы и отправлены в Таганрогскую тюрьму: Рейзман, Васильченко, Беспалов и Гликин. Все 4 голодают, требуя перевода в Ростов.

А. Локерман переведен в Новочеркасскую тюрьму, где сидит до сих пор без допроса и свиданий; Браиловский переведен в тюрьму Каменской станицы; к нему также на свидание никого не допускают.

После 10 марта арестованы и доставлены в Ростовскую тюрьму рабочие: Скрипниченко (в кармане найдены переписанные «Варшавянка» и «Марсельеза»), Колосов, Ильинский и Клещев.

В настоящее время из тюрьмы выпущено 8 чел., из них две девушки, арестованные на демонстрации. Жандармерия ведет следствие возмутительно. Каждому в отдельности жандармы заявляют, что он нес знамя, убил пристава Антонова и, кроме того, состоял членом Донского Комитета. Но в большинстве случаев жандармы не выдерживают тона и начинают на допросе вести пропаганду: «Зачем вы с жидами связались? — говорил «демонстрантам» шт.-ротмистр Седов: — ведь это все они строят, а вы, православные, им помогаете». Тем не менее, «православных» привлекают по 252 и 318 статьям. Курьезов на допросах не оберешься. Приводят, напр., демонстрантов в контору тюрьмы на очную ставку с городовыми. «Ты тоже политический?» — изумленно вопрошает какой-то чин простоватого мужичка, попавшего с пьяных глаз в руки полиции. «Никак нет, вашебродие, я пензянский». «Царьска горилка и мене зробила полытыческим», — скромно заявляет один малоросс.

В виду того, что демонстрация произошла без предварительного печатного оповещения, всех арестованных обвиняют по 318 ст. Улож. о нак., т. е. в участии в организации. Девять человек обвиняется, кроме 318 и 252 ст., еще и по 264 ст.: вооруженное сопротивление чинам полиции. В виду этого жандармерия грозит перевести их

в уголовные камеры и вообще обращаться с ними как с уголовными. Но это, вероятно, только угроза.

Кроме демонстрантов в тюрьме сидят еще рабочие: Чернышев, Собинов, Скоробогатов и дев. Сущенко (арест. во время распространения прокламаций на табачн. фабрике Асмолова), арест. в пути казанский студент Андреевский. В начале марта отправлен в Петербург арестованный в Ростове по делу Петерб. Ком. Раб. орган. Н. Афанасьев.

Совершенно случайно и неожиданно для самих себя сидящие в Ростовской тюрьме устроили шумную манифестацию, чреватую последствиями.

От редакции. Приводим полученное нами из Ростова н/Д. «Письмо к товарищам от политических заключенных» с рассказом об этой манифестации:

«Во вторник 25 марта, часа в 4 вечера, мы все у окон начали петь революционные песни, привлекая к тюрьме проходящий народ. Вслед за этим двое из наших товарищей произнесли речи, в которых призывали народ к освобождению отчизны. Проводили параллель между своей неволей и неволей всего русского народа и т. д. в том же духе. Со всех сторон стал сбегаться народ и в какие-нибудь 10 минут вся площадь перед тюрьмой со стороны трамвая была запружена народом. Собралось до 1.000 человек (за верность цифры организация не ручается, но несколько сотен — вполне возможный факт).

В это самое время во дворе у окон камер политических заключенных появились два помощника начальника тюрьмы, причем один стал уговаривать прекратить речи, а другой прибежал с угрожающими криками и сейчас же скрылся. Из тюрьмы немедленно известили полицмейстера и явилась сотня казаков разгонять толпу, которая до того времени приветственно отвечала криками «ура» и «долой самодержавие». При появлении казаков речи прекратились, и народ мало-по-малу стал расходиться.

На всю тюрьму эта сходка произвела отрезвляющее действие. Все уголовные как будто проснулись, как будто с новой силой почувствовали весь произвол, всю грубость и насилие тюремной администрации. К политическим отношение полно глубокого уважения и оно проявляется на каждом шагу.

На следующий день, в среду 26-го, двух товарищей призывали в контору об'ясняться по поводу происшедшей сходки, но они отделались незначительными фразами, вроде того, что народ собрался благодаря проходившим похоронам.

Среда и четверг до 4 часов прошли спокойно. В 4 часа в камеру, в которой помещались две политические, находящуюся в левом глаголе, явился помощник и заявил им, чтобы они переходили в другую камеру, занятую уже одной из политических. Они наотрез отказались, т. к. камера, куда их хотели перевести, находится среди камер уголовных и страшно загрязнена, полна клопов и тараканов, а главное, она почти совершенно исключает возможность сношений с другими политическими. Раза три приходил помощник, убеждая их перейти, т. к. камеры должны быть свободны по распоряжению Артемьева, в виду новых арестов.

Наконец, двум протестовавшим ничего не оставалось делать, как перейти, т. к. надзиратели стали собирать их вещи. Во время этих переговоров один из надзирателей, Гацуцов, стал грубо издеваться и осыпать ругательствами одну из девиц за то, что она крикнула, чтобы другие две не соглашались переходить. После долгого сопротивления они, наконец, перешли и водворились в грязной, душной камере.

Оставить без протеста такое грубое обращение и желание со стороны тюремной администрации разместить подальше политических было невозможно, и они все втроем у открытого окна стали излагать все уголовным, сидящим вокруг в камерах. Вслед затем они стали петь революционные песни, чем вызывали со стороны уголовных явное одобрение и сочувствие, выражавшееся в аплодисментах и криках «спасибо, политические». Со стороны администрации иной раз раздавались грубые крики прекратить пение; один старший пригрозил кулаком, но пение не прекращалось до позднего вечера.

Чувствовалось приподнятое настроение у всех сидящих по камерам.

В пятницу 28 марта по обыкновению стали выводить политических на прогулку. В 9 часов вывели во двор одного из товарищей, причем появился начальник тюрьмы и человек 8 надзирателей. Товарищу об'явили, что его сейчас должны отвести в карцер. На его категорический отказ надзиратели схватили его за руки и стали тащить. Он стал сопротивляться, тогда еще двое стали бить его в спину. Тогда некоторые из товарищей, видевшие это из окна, стали кричать, чтобы его не смели трогать. Их крики привлекли к окнам уголовных, которые, увидя такую дикую сцену, поднялись сразу с оглушительными криками «долой начальника», «оставьте товарища!». Моментально за этими криками раздался звон разбитого стекла. Товарища, которого вели в карцер, оставили, он ушел гулять, но уголовные, со всей силой накопившейся злобы, обиды и горя, принялись бить все, что было у них под руками.

В какие-нибудь полчаса были перебиты все стекла до единого, во всей тюрьме столы, скамейки, нары, все было изломано в куски и выброшено за окна. Тюрьма вся поднялась, как один человек, требуя на расправу начальника, который скрылся сейчас же при первом звуке разбитого стекла.

Женщины все присоединились к мужчинам, и крики, проклятия, звон разбитых окон, треск дерева продолжались добрый час. На воле, за тюремной стеной, собрался народ и крики толпы сливались с протестами заключенных. В 11-м часу появились казаки с ружьями. Явилась вся военная администрация, жандармы, вся клика мерзавцев. Казаков пришло около сотни. Они заняли первый двор и переднюю часть внутреннего двора.

В это время товарища уже увели обратно в камеру и заявили другому, что его тоже отведут в карцер.

Три десятка казаков с заряженными ружьями, с шашками наголо явились в камеры и взяли обоих товарищей. Сопротивляться было немыслимо, и они должны были спуститься вниз в карцеры, причем они всю дорогу высказывали свое негодование.

Все политические сегодня на поверке требовали их освобождения, но т. к. на поверку начальник не явился, то требования были переданы помощнику.

Требования были следующие:

„1) Освобождение наших товарищей. 2) Чтобы завтра же явился товарищ прокурора для того, чтобы выслушать нашу жалобу на тюремную администрацию.

Если же завтра в 10 часов он не явится и не освободит товарищей, то мы об'являем голодовку до тех пор, пока не исполнят наших требований".

Казаки оставались в тюрьме целый день, а часть их осталась и на ночь. Весь день жандармерия и полиция оставались в тюрьме, но Артемьев (жанд. полк.) не показался в камерах и не звал на допрос.

На вопрос полицмейстера, почему уголовные подняли бунт, они прямо отвечали, что не могли допустить, чтобы на их глазах политических вели в карцер. Вообще отношение уголовных к политическим проникнуто уважением. Переживаемый момент в ростовской жизни настолько поднял дух и бодрость народа, что тюремные стены теперь совершенно не составляют препятствий, чтобы свободная речь текла широкой волной и находила бы себе отклик у людей, сидящих за железными решетками.

По слухам в тюрьме началась голодовка и, повидимому, она еще не кончилась».

От редакции. Позднейшее известие, только что полученное нами, гласит, что голодовка всей тюрьмы продолжалась три дня; кончилась неудачей; ни одного из требований не удовлетворили. 3 апреля выпущен из тюрьмы А. Локерман.

Варшава, 14 апреля. В отличие от националистической польской «Народовой Демократии» [7]), празднующей день потери Польшей конституции 20 апреля (3 мая нов. стиля) [8], революционные группы г. Варшавы решили отпраздновать 1 мая за неделю до, т. е. 13/26 апр. По городу начали усиленно циркулировать воззвания и листки, раз'ясняющие значение для рабочей массы празднования 1 мая. В особенно значительном количестве были распространены прокламации Бунда (на евр. яз.), воззвания П. П. С. [9] «К польским и еврейским рабочим и работницам»

(на польск. и евр. яз.), прокламации «1 мая» и «Ко всем рабочим и работницам» Организационного Ком. Р. С.-Д. Р. П. (на русск. яз.), воззвания «Группы социалистической молодежи» — к польской интеллигенции и «К коллегам и коллежанкам» (обе на польск. яз.) и масса других, а дней за 5—6 были разбросаны по городу в большом количестве приглашения к участию в демонстрации (на польск. и еврейск. яз.). Разбрасывали на лестницах домов, по библиотекам, по выставкам, на почте и в др. местах.

В этом году в Варшаве впервые были устроены две демонстрации. Исходя из взгляда, выраженного в резолюции последнего с'езда, что в Польше, на польской территории, могут вести агитацию и пропаганду только польские партии, а не партии других национальностей, П. П. С., ставящая одним из главных требований — освобождение Польши, отказалась от совместного участия в демонстрации с организацией Бунда; П. П. С. с радостью приглашала еврейских рабочих к совместному протесту, но с организацией Бунда она не хотела иметь никаких дел. Тогда Бунд и присоединившиеся к нему в виде протеста «П. С.-Д.» [10] и «Пролетариат» [11] решили совместно устроить отдельную демонстрацию на Маршалковской ул. (П. П. С. постоянно устраивает в Уяздовских аллеях).

К 5 часам как Уяздовские аллеи, так и Маршалковская ул. на всем своем протяжении были полны народу; останавливаться не позволяли, настойчиво разгоняя всякое более или менее большое скопление народа. Все же около 5½ час. на углу св. Креста и Маршалковской улиц быстро соединилась толпа чел. 400—500 рабочих и учащейся молодежи высших и средних учебн. заведений и с высоко поднятыми двумя знаменами (одно Бунда, другое «Пролетариата») со стройным и громким пением революционных песен, при возгласах «долой самодержавие!», «долой царизм!», «долой капитализм!» (проезжавшим в это время на извозчике офицерам кричали «долой милитаризм!», «да здравствует социалистическое общество, республиканский строй» и т. д.), прошла по Маршалковской ул.; не доходя до Сенной ул., толпа повернула и так же стройно, сильно увеличившись, благодаря вновь подоспевшей публике, направилась обратно по направлению к ул. св. Креста. Затем таким же порядком повернули обратно. Полиция все время бездействовала: находившиеся вблизи околоточные и городовые выхватили-было шашки, но, при виде угрожавших палками демонстрантов, благоразумно вложили их в ножны и на почтительном расстоянии сопровождали демонстрантов. Но вдруг, когда подходили в третий раз к ул. св. Креста, из-за угла вылетела полсотня казаков с обнаженными шашками, с нагайками в руках; они бросились на толпу; толпа разом подалась, разом бросилась врассыпную. О защите, о сопротивлении палками, которыми все были вооружены, не было и речи — все бежали; в суматохе избили одного околоточного, но перед казацкой нагайкой все бежали. Спасшиеся в ворота там были заперты и затем арестованы. Между тем, полиция, жандармы и казаки все время раз'езжали, не давая возможности снова соединиться в более или менее большую толпу; на углах толпу внезапно перерезывали ряды городовых и заставляли одну часть возвращаться обратно. Несмотря на это, толпа демонстрантов еще раз прошла (знаменосец со знаменами не был арестован) с песнями по многим улицам и направилась к тюрьме — к Павиаку. Перед тюрьмой прошлись несколько раз, пели песни, громкие возгласы все время раздавались, начали стучать палками в ворота тюрьмы... Изпод колпаков (щитов), которыми закрыты окна в Павиаке, политические зажгли бумагу и крутили ею по воздуху, показывая своим товарищам, что они слышат биение жизни на воле, что их сердца горят таким же сильным и ярким пламенем, как и та бумага, которой они отвечали на приветы товарищей. Момент был ужасный, тяжелый, но бодрый в то же время: то был один из валов, одна дерзкая волна, которая смело ударяла в самую грудь каменной скалы. Прибывшими казаками товарищи были разогнаны.

В Уяздовских аллеях движение было грандиознее, сильнее, народу было несравненно более. Каждую минуту, когда проезжало какое-нибудь начальствующее лицо, его сопровождали, резким оглушительным свистом... Конечно, ответом на это были только казацкие нагайки... Но П. П. С. не оставалась все время на Уяздовских аллеях: часть демонстрантов направилась к польским (Воля) и еврейским (Налевки) рабочим кварталам. Полиция, сконцентрированная на Маршалковской и Уяздовских аллеях, там почти что отсутствовала. Демонстрация в рабочих кварталах поэтому им удалась чудесно.

Вообще в Варшаве теперь господствует необычайное возбуждение. Все говорят только о демонстрантах, только о социализме и социалистах. Почва взрыхлена — теперь только бы и сеять... Демонстрация имела необычайное агитационное значение. Число арестованных в точности еще неизвестно: на Маршалковской ул. было арестовано 90 — 100 чел., а в Уяздовских аллеях — 300 — 500 чел.

На другой день после демонстрации в Политехническом институте было вывешено об'явление приблизительно следующего содержания: на сходке 28 февраля, как известно, институт выразил «моральный» протест директору по поводу избиения студентов, участвовавших в антигерманской демонстрации; теперь же опять избили: 1) Студ. ун. Домбровского; медицинским освидетельствованием констатировано, что ему перебили переносицу; при освидетельствовании его врач констатировал, что пульс у него 120. 2) Арестовали студ. политехникума Вайнштейна. На глазах у публики избили его до того, что это зверское избиение вызвало протест со стороны даже посторонней публики. 3) Студ. ун. Шапиро в 11½ час. ночи проходил по Граничной ул.; проходивший мимо околоточный с патрулем ударил его ножнами по спине и, когда Шапиро потребовал об'яснений, последний ответил: «Так тебе, сволочь, и надо, не шляйся ночью». Всех студентов призывают поддержать прежде принятое решение и сообща выразить уже не моральный только протест. На-днях в политехникуме будет сходка. Более зрелые студенты полагают, что ничего не выйдет. Политическая незрелость варшавского студенчества поразительна: в своем воззвании они говорят лишь об избиении этих трех студентов, забывая о всей остальной избитой публике, забывая, что эти избиения есть проявление одного режима, против которого следует одинаково бороться как лицам без формы, так и с формой.

Рига. Даже наша консервативная Рига выходит на улицу открыто заявлять свой протест против самодержавия.

У нас в Риге произошли события, которые взволновали весь город и заставили всех говорить о них. 26 марта приезжая труппа давала в «Улье» драму Горького «На дне». После 4-го акта с правой стороны галлереи в публику посыпались воззвания «К рижскому обществу» за подписью «Об'ед. Комитета Рижск., Русской, Еврейской и Латышской Соц.-Дем. Рабочей Организации»; раздались возгласы: «Долой самодержавие!», «Да здравствует политич. свобода!», подхваченные дружным «ура» публики. Возгласы «ура» не прекращались в течение пяти минут. Полиция бросилась на галлерею и переписала всех сидевших по левую сторону, а сидевших по правую сторону оцепила. Воззвания почти все были расхватаны публикой. Сейчас же полиция увезла одного еврейского и одного латышского рабочего, на которых шпионы указали, будто они бросали. Шпионов, кстати сказать, было в общем более 40 человек, так как полиция ожидала манифестации в театре и приготовилась надлежащим образом.

Сейчас после представления небольшая группа молодежи собралась перед входом в галлерею, чтобы ожидать оцепленных на правой стороне галлереи товарищей. Набралась толпа человек в 50—70; состояла она большей частью из учащихся в средн. учебн. заведениях и зубоврачебной школе. Полиция все прибывала и прибывала. Вдруг вышел жандармский офицер и попросил толпу разойтись, но толпа в ответ крикнула ему: «Не разойдемся, отпустить сейчас арестованных». Жанд. офицер ответил, что не может этого сделать, и попросил во второй раз разойтись, но толпа опять повторила то же самое; тогда он пригрозил, что применит оружие, но это не подействовало.

Он стал тогда подходить к отдельным лицам, прося их разойтись. К одной группе учеников он обратился со следующими словами: «Господа гимназисты, вас я прошу

отдельно, разойдитесь!» Толпа решила пойти вперед по Известковой, обогнуть ее по Резницкой и через проходную улицу опять собраться перед входом в галлерею, чтобы отбить арестованных. Направились по Резницкой; толпа выстроилась в ряды и с пением «Марсельезы» прошлась по Резницкой, но не завернула в проходную улицу, чтобы не забрали всех (улица эта снабжена воротами, и полиция, шедшая за демонстрантами, могла беспрепятственно забрать всех, заперев ворота). Остановились у входа в Ткацкую, провозгласили: «долой самодержавие!», долой полицию!», «да здравствует политическая свобода!» и с пением «Варшавянки» прошлись немного по Ткацкой, пока со всех сторон не были окружены полицией, и демонстранты тогда все разбежались.

В руках полиции остались четыре случайных прохожих, которых она обвинила в «нарушении общественн. тишины и порядка». Всю ночь рыскала полиция в погоне за демонстрантами и записала еще одного молодого человека и единственно потому только, что он еврей. Из забранных на правой галлерее 22 человек были 5 солдат, которые сейчас же были отпущены, но предварительно были опрошены, не видали ли они, кто бросал прокламации, а на отрицательный ответ их жандармский офицер об'яснил им, что они на то и солдаты, чтобы смотреть за этим; из остальных 17 человек 13 были отпущены в ту же ночь, а 4 еще сидят до сих пор. На другой день, 27 марта, после лекции «Горький и его произведения», прочитанной в Александровской гимназии, на публику, сходящую с лестницы, посыпались воззвания и раздались возгласы: «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!», «Да здравствует поднадзорный Горький!» и «Да здравствуют арестованные вчера товарищи!», подхваченные дружным «ура». Выйдя на улицу, выстроились в ряды и с пением «Марсельезы» толпа дошла до жандармского управления и остановилась. В публику посыпались прокламации. Раздались возгласы: «Долой самодержавие!», «Долой царских опричников!», «Долой жандармерию!», «Да здравствует революция!», и толпа с возгласами и пением «Варшавянки», «Смело, друзья, не теряйте»... и других революционных песен прошла Суворовскую улицу, повернула на Мельничную улицу, дошла до Александровской и там рассеялась. Было около 250 демонстрантов, а провожающей публики тоже было около 300 человек. Демонстрация произвела громадное впечатление как на участников, так и на постороннюю публику. Только об этом и говорят в городе, и эта демонстрация разрастается до фантастических размеров в устах общества Нужно заметить, что обе демонстрации не были организованы, а были случайные. Принимала в них участие только интеллигентная молодежь. Арестован никто не был. Только после демонстрации прибыла полиция и, в тщетных поисках за демонстрантами, обходила всю ночь патрулями город. На другой день давалось еще раз «На дне», и полиция, уверенная в демонстрации на этот раз, приняла чрезвычайные меры: билеты на галлерею не продавались и на каждого зрителя из публики было чуть ли не по 3 шпиона. Опера была также наводнена полицией, но, разумеется, никакой демонстрации не произошло, и взбешенная полиция арестовала 5 чел. студентов, которые говорили между собою, обвиняя их в том, что они сказали, что прокламации на этот раз не были; конечно, полиция принуждена была их сейчас выпустить. В ту же ночь были произведены обыски и арестован бывший студ. Браун и студ. Лекке Ожидаются в скором времени массовые обыски.

Письмо из Тифлиса. В № 53 газеты «Кавказ» появилось правительственное сообщение о манифестации 23 февраля. По обыкновению оно совершенно лживо. В нем нельзя найти и отдаленного намека на истинный характер манифестации, на повод, который ее вызвал.

Желая ознаменовать годовщину 19 февраля, рабочие решили в этот день выйти на улицу и, сплотившись под знаменем с надписью на трех языках: «Долой самодержавие», «Да здравствует социализм», с пением «Марсельезы» пройтись по улицам города. Но, наученные горьким опытом, рабочие для самообороны вооружились кизилевыми, и, как справедливо глаголют полицейские уста в сообщении, тяжелыми палками. Вследствие недоразумения, возникшего между различными группами рабочих относительно времени манифестации (а не вследствие бдительности полиции, как говорит сообщение), рабочим, числом около 6.000, не удалось собраться в одном месте, и только небольшая группа манифестантов в 12¼ час. выкинула знамя на углу Армянского базара и с криком «Долой самодержавие!» (а не «ура») бросилась к Армянскому базару. Здесь два офицера, отставной полковник Агаев и поручик Тифлисского полка Искандер-хан, сопровождавшие похоронную процессию, были приняты за административных лиц, и толпа, предполагая, что попали в полицейскую засаду, револьверным выстрелом и палкой поранила их. При криках толпы «долой самодержавие» усиленный наряд полиции на Эриванской площади в панике бросился в противоположный угол Эриванской площади, призывая свистками казаков на помощь. Поле битвы осталось за манифестантами. Когда выехали со двора военного штаба казаки, то демонстрация уже была окончена. Но администрации надо было искупить свой позор. Стали бить без разбору всех находившихся на улице. Казаки и полиция группами от 5 — 10 нападали на одного и, избив, волокли в участок, где продолжали свою зверскую расправу. Бойней распоряжались жандармский ротмистр Лавров и полицмейстер Ковалев. Они приказывали рубить и сечь направо и налево, не щадя ни женщин, ни детей. 10 казаков выволокли из подвала, что под магазином Чичкина, служителя в белом фартуке и стали его так жестоко бить, что дворники и те вступились за несчастного. Ковалев, под'ехавший в это время, любовался этой картиной. Казаки врывались в частные дома и, стегая обывателей нагайками, под угрозой смерти требовали выдачи манифестантов. Три женщины были жестоко избиты сперва на улице, а потом в участке. Мальчик 14 лет был тяжело ранен в голову шашкой городового; полиция выпроводила его из участка без перевязки, не оказав даже первоначальной помощи. Арестовано в этот день было до 150 человек. Из них теперь осталось в Метехском замке 42 человека.

«Сообщение» обо всем этом не говорит ни слова. По уверениям правительства, сами манифестанты били всех, кто попадался им на глаза. Что это ложь и гнусная клевета, видно из того, что за исключением упомянутых двух офицеров, одетых в военную форму, а потому принятых за врагов, нет ни одного изувеченного или просто побитого рабочими гражданина. Будь это не так, полиция, без сомнения, уцепилась бы за такой факт для агитации против нас.

Мы же, со своей стороны, можем выставить сотни избитых и изувеченных администрацией граждан.

Помощник главноначальствующего, Фрезе, заменявший его в то время, требовал предания арестованных манифестантов военному суду за поранение двух офицеров, но прокурор, к чести своей, отклонил это требование, заявив, что невозможно установить такую ответственность арестованных. Тогда Фрезе написал об этом донесение главноначальствующему, и, по настоянию последнего, министр юстиции вытребовал от прокурора все это дело к себе.

Пока на арестованных наложены административные взыскания, тюремное заключение от одной недели до 3-х месяцев, и сверх того относительно них ведется дело в жандармском порядке. Таковы результаты демонстрации.

Вот уже второй раз улицы Тифлиса обагряются кровью рабочих. Но это обстоятельство еще сильнее воодушевит нас ненавистью к врагу, еще теснее сплотит для борьбы с деспотическим царизмом и наш голос еще тверже и громче прокричит: «Долой самодержавие! Да здравствует грядущая революция!»

Тифлис. После манифестации 23 февраля начались усиленные аресты и обыски. Арестованы 23 и 24 февраля интеллигенты: Джибладзе, Джугели три брата, фельдшер Чичуя, Долиеси, Цибадзе, ученик Учительского института Ляпин, ученик железнодорожного училища, ученик художественного училища и около 25 рабочих. Освобождены фельдшер Чичуя, один наборщик и один рабочий. Выпустили прокламации «К гражданам», которые разбрасывались повсюду. В армянском соборе прокламации были

переданы одному простолюдину со словами, что это «патриаршее благословение». Тот, не подозревая, выкрикивал: «патриаршее благословение!» и раздавал направо и налево. Прокламации были разобраны и читались с большим интересом, очень уж любит тифлисец даровое чтение... В этот же день (вечером) 23 марта в театре Артистического общества, в бенефис одного из любимцев тифлисской публики, сверху посыпались прокламации «К гражданам». Для администрации это было такой неожиданностью, что полицмейстер Ковалев и жандармский ротмистр Лавров кинулись исполнять роль театральной прислуги и быстро очистили весь пол. В театре был и помощник Голицына заместитель его — Фрезе, который возмутился промедлением, разругал администрацию, результатом чего явилось глубокомысленное совещание Ковалева и Лаврова: откуда сыплются прокламации? После тщательного осмотра здания театра решили, что прокламации... могут явиться т о л ь к о из отверстия над электрической люстрой. Такое гениальное открытие было принято к сведению, и администрация театра получила предупреждение: в случае появления прокламаций в театре, отвечать будет она.

В и л ь н о, 29 марта. Гимназисты-евреи (ст. классов) наших обеих гимназий были приглашены на сионистское собрание. Последнее происходило на квартире Гольдберга (соучастник фирмы «И. Б. Сегаль», сионист-«демократ»), организатора кружков рабочих сионистов. Когда, однако, этой зимой произошла стачка в магазине «И. Б. Сегаль», он с остервенением, достойным лучшей участи, преследовал служащих этого магазина и действовал заодно с полицией. Об этой стачке и о роли в ней Гольдберга, как сиониста-демократа, каким он себя считает, много уже писалось. На этом собрании Г. оправдывался против нападок, сыпавшихся на него со всех сторон за его поведение во время стачки. Каково же было изумление гимназистов, когда на следующий день инспектор 2-й гимназии показал двум гимназистам, говорившим против сионизма, чуть ли не дословно записанные их вчерашние речи! Последствия не замедлили обнаружиться: всем присутствовавшим на собрании гимназистам 2-й гимн. поставили т р о й к и по поведению и внесли имена их в кондуитный журнал. На одного из них, уч. VII класса, это наказание, равносильное потере всякой надежды увидеть русский университет, так сильно подействовало, что он 26 марта во время большой перемены в гимназии же выпил изрядную порцию нашатырного спирта и в страшных мучениях скончался на следующий день. Фамилия этого гимназиста — Б о р к о н.

28 марта его хоронили. В 4 ч. процессия, сопровождаемая целой оравой полицейских, тронулась. За катафалком шли товарищи с венками (от всех мужских и женских уч. зав.), за ними гимназисты несли гроб с покойником весь дальний путь. Огромная толпа людей — «весь город» — присоединилась к процессии. Преобладала, конечно, молодежь. Сначала все шло благополучно. Прошли часть Завальной, повернули на Трокскую, затем на Немецкую и Большую. Дойдя до Стеклянной, полиция потребовала, чтобы процессия повернула на Андреевскую — обычный путь еврейских похоронных процессий. Но товарищи хотели непременно пройти мимо 2-й гимназии. Полиция, однако, хотела непременно настоять на своем, так как по главной части Большой ул. проходить е в р е й с к и м похоронным процессиям б е з у с л о в н о з а п р е щ е н о *, и направила катафалк к Андреевской ул., уверенная, что процессия последует за катафалком. Но гимназисты продолжали свой путь, не обращая внимания на весь этот маневр. Полиция, не ожидавшая совершенно такого оборота, потеряла голову и бросилась уже прямо к кладбищу, чтобы там сконцентрировать свои силы. Еврейская похоронная процессия без катафалка (он остался позади), почти дети, идущие с такой тяжелой ношей через самую оживленную часть города, огромная толпа людей, — все это производило очень сильное впечатление. Наше еврейское кладбище расположено в очень живописной местности. Недалеко от него две довольно высокие горы под углом образуют ущелья. И вот здесь-то покойника ожидали почести, которых в России еще, кажется, никакому еврею никогда не оказывали. Представьте себе следующее: впереди полицмейстер Майер в полном параде (в тот же день утром хоронили какого-то генерала), его помощник, его правая рука Снитко и целый сонм приставов, их помощников, околоточных надзирателей и городовых, а за ними понятые и отряд казаков с начальником во главе... Процессия в удивительном порядке идет своей дорогой...

Вот мы на кладбище. Над покойником производят последний обряд и через полчаса товарищи отдают ему последний долг, несут его к «вырытой заступом яме глубокой»... Между тем казаки, под предводительством своего начальника, успели осмотреть поле предстоящей битвы и попрятались под кусты в одиночку недалеко от могилы... Последняя окружена приставами и полицейскими, за ними громадная толпа, окруженная понятыми и охраняемая казаками... Гробовое молчание... Всякие речи запрещены... Кантор читает молитву и распорядитель по требованию полиции обращается к публике: «Погребальный обряд кончен, прошу всех расходиться». Никто не трогается с места... Так простояли минут десять вместе над свежей могилой, и было что-то торжественное и великое в этой зловещей в своей безмолвности тишине... Тронулись все вместе в обратный путь... Опять мирное торжественное шествие, теперь уже сопровождаемое казаками... Так спокойно дошли до центра города и разошлись по разным улицам.

Я вам пишу под непосредственным впечатлением вчерашней демонстрации, равной которой по своей грандиозности Вильна еще не видала. Она показала все бессилие местной власти бороться против демонстрации. Ей пришлось сконцентрировать все свои силы на кладбище, чтобы при первом крике «долой самодержавие!» или в этом роде, броситься на беззащитную толпу и растерзать ее, пользуясь тем, что спасаться не могло бы быть никакой возможности... А, между тем, публика, даже не сговорившись (про смерть гимназиста узнали только в день похорон), сумела сплотиться в огромную массу и своим безмолвием и спокойствием произвести такое сильное впечатление на город. И нам кажется, что такие «мирные» демонстрации по своему впечатлению не менее сильны, чем «шумные».

В о р о н е ж. После погрома 1897 г. до последнего времени здесь не велось местной революционной работы. Даже широкая волна революционного движения 1900 и 1901 гг. не захватила нашего города. С осени 1902 г. картина начала меняться: заседания сельскохозяйственного комитета, речи Мартынова и Бунакова, приезд Зиновьева, допросы, учиненные им земским деятелям, аресты и высылки некоторых из них, — все это внесло оживление в тусклую жизнь нашего города. В конце ноября вышли прокламации образовавшегося местного Комитета Р. С.-Д. Р. П. 19 февраля по городу были распространены прокламации с.-рев., а на заводах — листок соц.-дем. «Кассы Борьбы» (независимой от Комитета организации). 1 марта «Касса Борьбы» выпустила второй листок о терроре к организованным рабочим. Выпуск каждого листка вызывал оживленные разговоры и споры. В дебатах принимали участие даже обыватели, чему не мало способствовала безнаказанность выпусков: не было не только арестов, но и обысков. Однако, оказалось, что «жив курилка». Нашествие иноплеменных (иноплеменных — в буквальном смысле слова, так как для обысков было вызвано много жандармов из других городов) произошло в ночь с 14 на 15 марта. Обыски производились от 3 часов ночи до 2 час. дня; возобновились в ночь с 15-го на 16-е, продолжались с 16-го на 17-е, 17-го вечером были обыски в губ. зем. управл. Из всех щелей повыползли шпионы, и по ночам, кроме обычных в это время «отходников», можно было видеть жандармских офицеров, в сопровождении своры полицейских, идущих на свой не менее грязный промысел. Число обысков * установить трудно; во всяком

---

* Такова та «веротерпимость», обеспеченная «основными законами», о которой говорится в царском манифесте. Р е д.

* Обыски были почти исключительно среди учащейся молодежи, преимущественно среди учеников и учениц здешних фельдшерских школ.

случае, число их не так велико, как можно было бы судить по времени, в продолжение которого они производились. По одному выражению, жандармы делали обыски — словно «рыбу ловили». Закинут удочку и ждут. Сделают несколько обысков, отдохнут, поедят, потом снова принимаются, и так днем, ночью и вечером. К некоторым приходили два раза. Ночью ничего не находили, придут днем — кое-что и найдут. Арестовано 5 человек: Иванов, Ширкин, Арефьев, Онисимов, Городничев. Все, кроме последнего, уже выпущены. Во время обысков вызывающе и грубо держал себя ротмистр здешнего жандармского упр. Федоренко. Полковник Глоба вел по обыкновению свою хитрую политику. Этому жандарму удалось завоевать симпатии не только обывателей, но и некоторых либералов. Ну, еще бы! Делают, напр., по его распоряжению обыск у одного из учащихся здешних учебных заведений. Учебное начальство, после этого, увольняет воспитанника. Естественно, не правда ли? Полковник узнает об этом и начинает хлопотать о приеме ученика обратно, ездит к директору, попечителю, и вот вам тема для разговоров в том роде, что Глоба служит лишь временно, что он прекрасный человек, что он удерживает неистовые порывы прочих своих коллег по управлению и т. п. Однако, все это не мешает ему делать некоторым лицам предложения о поступлении, попросту говоря, в провокаторы. Полковник выражался, конечно, более иносказательно.

В разгар паники, 21 марта, «Касса Борьбы» выпустила третий листок «К рабочим воронежских железнодорожных мастерских» по следующему поводу: после ноябрьской забастовки, сопровождавшейся арестами и высылками, в Т. хорецких ж.-дор. мастерских освободилось много мест, и вот начальник здешних мастерских Безобразов предложил котельщикам отправиться в Тихорецк, обещая платить вместо 70 к. в день, которые они получают здесь, 1 р. 50 к Благодаря особым условиям в выдаче заработной платы, полный дневной заработок, как здесь, так и там, оказался почти одинаковым. Несколько котельщиков отправились в Тихорецк, но, узнав там, в чем дело, вернулись обратно. В прокламации раскрывались происки Безобразова и указывалось на необходимость солидарности среди рабочих в борьбе с правительством и капиталистами.

Вологда. Недавно по деревням у крестьян произведен целый ряд обысков. У некоторых найдена литература. По этому поводу возбуждено дело и сделаны обыски в уездных городах: Грязовце — у бывшего ученика земледельческого училища, и в В. Устюге — у какого-то фельдшера (найдена литература). Оба обысканные привлечены как обвиняемые, хотя и не арестованы. Нелегальная литература производит на крестьян сильное впечатление и читается нарасхват.

В марте вышли приговоры: статистику Зюкову — 3 г. надзора с воспрещением жительства в губ.: Петербургской, Московской, Полтавск., Таврич., Саратовской (Зюков арестован в Вологде в августе 1902 г. и обвинялся в хранении и распространении литературы); затем находившимся в Вологде под особым надзором студенту Ракову (арестован в Спб. на демонстрации 3 марта 1902 г. как знаменосец и при этом сильно избит) — 3 г. Вост. Сибири; бывш. моск. студ. Сергею Щербакову — 3 г. Вятск. г. и его жене Софье Щ-ой — 2 г. Вят. губ. (Щербаковы арестованы по москов. соц.-дем. делу). Весной 1901 г. Щербаков арестован вторично в Вельске, Волог. г., где он был в ссылке. Против него возбуждено было дело по обвинению в пропаганде среди товарищей по ссылке — рабочих. Есть довольно веские данные предполагать, что поводом к этому обвинению послужил донос политического же ссыльного Барановича (чиновника из Вильны). Если это даже и не его рук дело, то, во всяком случае, предупреждаем товарищей от всяких сношений с этим господином, так как это личность безусловно сомнительная (теперь, он, кажется окончил ссылку, которую последнее время отбывал в Астрахани). По этому же Вельск. делу обвинялся рабочий Воткевич, сосланный в Вельск по виленскому делу; ему теперь тоже вышел приговор — вменено в наказание предварительное заключение (4 месяца).

Появление манифеста вызвало среди вологодских крестьян оживленные толки, один другого нелепее. В одном селе поп читал манифест в церкви в продолжение 1½ часов, и ни он сам, ни его слушатели ничего не поняли. Одни говорили, что наследник родится, другие — что будет война, третьи — что земли прирежут, а четвертые — «купчую землю у крестьян отнимут, потому, значит, по нынешним временам простому человеку хода не дают». Среди обывателей Вологды манифест вызвал своей неопределенностью и комичным тоном то же недоумение; в общем, почти никто ничего не понял, вынесли только впечатление, что в нашем отечестве что-то неладно.

Недавно через Вологодскую тюрьму прошли трое сосланных в Вологодскую г. рабочих: Карл Гоппе (из Варшавы), Медведев (из Нижнего) и Ступников. При отправлении партии Медведев повздорил с конвойными, за что они заковали его в кандалы, а так как он сопротивлялся, то избили. Все это происходило на тюремном дворе на глазах уголовных арестантов.

В Вологду на 4 года прибыл этапом и тоже в кандалах бывший рабочий Александровского завода в Петербурге Иван Пресняков. Он был арестован в сентябре 1902 г. в Калужской губ. за пропаганду среди крестьян. Когда он сидел в тюрьме в г. Жиздре, с ним произошел следующий инцидент. В камеру к нему явился посетивший Жиздру калужский губернатор и стал его убеждать, что не годится читать запрещенные книжки и сидеть за это в тюрьме. Пресняков ответил на это: «Вы виноваты в том, что я попал сюда. Если бы ваш брат-начальство не грабили да не обманывали народ, то мне не надо было бы вести пропаганду». Никогда, повидимому, не слыхавший такой смелой речи, губернатор вылетел из камеры как ошпаренный и закричал: «Он сумасшедший! Его надо лечить! Разве можно больных держать в тюрьме!». На другой день Пресняков отправили в Калугу в психиатрическую лечебницу, где он и пробыл два месяца.

Известны следующие приговоры: Хавскому, землемеру, 5 л. Вост. Сибири (арест в Петерб. летом 1901 г. по делу о террористическом сообществе); рабочему Солдатову по батумскому делу 1902 г. — 5 лет Арханг. губ.; портнихе Булатовой по нижегор. соц.-дем. делу 1901 г. — 3 года Волог. губ.; Дрешеру, рабочему из Варшавы, 3 г. Волог. губ.; бывш. студенту духовной академии Синайскому по орловскому соц.-дем. делу 1902 г. — 3 г. Волог. губ.; Ивану Серебрякову по делу Харьковск. соц.-дем. Комитета — 3 г. Волог. губ.

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Обозреватель событий в Финляндии нередко просто теряется перед обилием материала, доставляемого ему лихорадочной деятельностью жалкого Николая II, или, вернее, его лостойных сподвижников. Последние, чуя приближение конца своего преступного хозяйничания, торопятся ничего не уступить и тем увеличить свою и так уже беспредельную виновность, когда они раньше или позже очутятся на скамье подсудимых перед своим грозным судьей — представителями всего русского народа.

2 апреля (нов. ст.) царю «благоугодно было» сместить уважаемого и любимого профессорами и студентами вице-канцлера Гельсингфорсского университета известного ученого Т. Рейна, которому, как известно читателям (см. № 33 «Искры»), было в январе предложено подать в отставку, от чего он вполне справедливо отказался. Он пришелся не по вкусу Плеве — «канцлера» университета — за то, что он не согласился принять какие-либо меры по отношению к студентам, отказавшимся подчиниться царскому «закону» о воинской повинности, и вообще не способствовал каким-либо беззакониям. На его место назначен один из главарей консервативной,

оппортунистической старо-фенноманской партии профессор Даниельсон, особенно угодивший русскому правительству своими брошюрами и статьями в главном органе этой партии «Unsi Snometar», в которых он со свойственной старо-фенноманам недальновидностью говорил о необходимости подчинения новой политике, о вреде пассивного сопротивления и т. под. Когда-то этот самый Даниельсон в своих действительно ценных научных произведениях горячо полемизировал с пионерами обрусения Финляндии. Не трудно предвидеть, куда направляется новый курс по университетскому вопросу в Финляндии. До сих пор финляндские студенты, пользующиеся, подобно заграничным, всеми благами академической свободы, не имеют никакого понятия о «студенческих беспорядках». Плеве, видимо, хочет явиться просветителем их в революционном духе. Студенты грандиозными, единодушными овациями и чествованиями своего бывшего начальника показали всю свою любовь к нему. Проф. же Даниельсон еще в феврале получил строгое предостережение, подписанное 87 университетскими преподавателями, приглашавшими его следовать по стопам предшественника, отличавшегося истинной гуманностью, патриотизмом и преданностью конституции. Насколько русским опричникам подчас бывает стыдно признаться в подобных подвигах, доказывает продолжительное замалчивание «Фин. Газ.» отставки вице-канцлера, про предстоящий добровольный уход которого она несколько времени тому назад усердно распускала нелепые слухи.

В прошлой статье мы сообщали о разгроме выборгского и вазасского гофгерихтов. 10 уволенных чинов первого во внушительных выражениях, внесенных в протокол заседания, протестовали против произвола. Как судьи, они, по финляндским законам, несменяемы без законного приговора суда. В виде протеста немедленно подали в отставку пять членов того же гофгерихта.

Все усилия русских властей и финляндского сената, как мы уже знаем, направлены на проведение нового «закона» о воинской повинности. Между прочим, главное финляндское управление по делам печати еще в январе разослало цензорам опубликованный на-днях в «Fria Ord» [12] секретный циркуляр, в котором предписывается не пропускать никаких известий относительно воинской повинности, имеющих целью «вести пропаганду в видах пассивного сопротивления», т. е. сообщающих об отказах подчинения куропаткинскому изделию. Все же известия противоположного характера цензоры должны разрешать печатать. Не логично ли на самом деле? Упомянутое учреждение, со своим начальником — идиотом Кронгельсом во главе, доходит иногда в своем рвении до любопытнейших курьезов. Вот некоторые статистические данные, свидетельствующие об усердии жандармов-цензоров за 1902 г.: прекращено навсегда и временно приостановлено 13 газет, «управлением» об'явлено 16 предостережений, генерал-губернатором — 5. Запрещено отчасти или всецело 16 книг финляндских авторов и 104 иностранных; конфисковано 7.996 отдельных нумеров иностранных газет и журналов. За первые три года бобриковского разбоя цензурные кары были еще значительнее. Гонения на пользовавшуюся до того времени сравнительною свободой периодическую прессу вызвали возникновение и свободное распространение свободной оппозиционной, так наз. «нелегальной» печати, о которой раньше никто в Финляндии не имел никакого представления.

Бесцеремонный грабеж финского народа начался с водворения Бобрикова в Финляндии. На-днях последнему удалось добиться от царя значительного увеличения жалования финляндских губернаторов: в трех губерниях оно теперь доведенно до 24.000 марок, а в остальных до 22.000 марок, через 5 и 10 лет оно будет увеличено на 10%. Русским помпадурам, видимо, хочется жить в свое удовольствие на финляндские деньги. Независимо от этого постоянно усиливался штат канцелярии генерал-губернатора многочисленными «чиновниками особых поручений», т. е. особыми сыщиками и шпионами, увеличивались жалования всех русских ташкентцев, начиная с самого сатрапа, учреждались тайные фонды и т. п. Но всего этого мало русским опричникам: недавно утвержден новый штат канцелярии генерал-губернатора и пр. Бобриков однако не позабывает награждать и покорных сенаторов: по его предложению, сенату поручено составить проект увеличения сенаторских жалований. Царь, видно, щедр на награбленные им народные деньги. На-днях сенат получил проект ежегодного ассигнования из финляндской казны средств в общегосударственное казначейство на военные расходы. Размер этой суммы будет впредь определен министром финансов, министром-статс-секретарем Финляндии (Плеве) и финляндским сенатом. Подобный проект был категорически отклонен чрезвычайным сеймом 1899 г., а теперь он осуществляется административным, следовательно противозаконным, путем. Недавно, по царскому повелению, неслыханно усилены средства на содержание гельсингфорсской полиции.

Этой мерой опричники надеются успешно противодействовать «крамоле»!

С каждым часом все наглее и наглее становится деморализованная за последние годы финляндская полиция, находящаяся под особым покровительством царских слуг (см. № 36). В ночь на 11 марта (нов. ст.) без всякого повода был самым коварным образом арестован несколькими городовыми в кафе один адвокат и насильно отвезен в участок. Здесь, по приказанию полицейского комиссара, его со связанными в ручные оковы руками бросили в темную камеру, где он пролежал до следующего утра. В 8 часов ему развязали сильно распухшие руки, но его снова заперли без пищи и питья в той же камере, и, наконец, в 4½ часа поп[олудни] комиссар-самодержец смилостивился и отпустил узника, об'яснив ему, что он был арестован за «оскорбление при исполнении обязанности комиссара, а вместе с тем и всей полиции и чести формы». Этот «блюститель порядка» угрожал при этом привлечением к ответственности «виновного». На самом же деле все «оскорбление» сводилось к тому, что пьяный комиссар хотел во что бы то ни стало в кафе сблизиться с незнакомым ему адвокатом, который оказал ему отпор. Вот до какой степени довела полицейских полная безнаказанность, гарантируемая им осенними указами. Пострадавший мог бы подтвердить свою жалобу показаниями двух свидетелей, но вряд ли начальство комиссара допустит привлечение его к суду.

В г. Ганге недавно учреждена полицейская камера. В начале марта (нов. ст.) сильно подгулявший секретарь

полиции, ревизуя паспорта эмигрантов перед отходом парохода, вдруг без всякой причины пришел в ярость и начал рвать паспорта. Делу не помогло и вмешательство бургомистра, и многим пассажирам пришлось поэтому отложить свое путешествие. Паспорта, между тем, были выданы по всем правилам, причем было соблюдено даже и недавнее стеснительное распоряжение сената об ограничении срока паспорта юношам, не отбывавшим еще воинской повинности. Неделю спустя при отходе парохода повторилась подобная же история лишь с той вариацией, что полиция задержала попросту паспорта некоторых пассажиров, несмотря на то, что они были выданы подлежащими губернаторами. Здесь уместно сказать несколько слов об эмиграции. В № 33 мы приводили статистические данные по этому вопросу. Главная причина ужасной эмиграции—царский разгром Финляндии и в частности новый «закон» о воинской повинности [13]. Все истинные и влиятельные финляндские патриоты всячески стараются удержать деревенскую молодежь, намеревающуюся покинуть родину. Между тем, «Фин. Газ.» имеет нахальство уверять, что «злонамеренные агитаторы» насильно посредством обмана увозят из Финляндии эту молодежь, желая, якобы, напугать русское правительство.

[В. М. Смирнов]

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

С.-Петербург. 17 марта (во вторник) рабочие фабрики тов. Механич. производства обуви (Спб., Заставная, 15) прекратили работу вследствие понижения расценков на 50% (при разговоре с рабочими один из директоров мотивировал понижение хозяйственными соображениями). Первая забастовала в три часа дня отделочная мастерская, где большинство рабочих мужчины; они проникли в другие мастерские и везде остановили работы. В 4 часа было прислано 50 казаков. Рабочие разошлись. На другое утро женщины взялись за работу, но мужчины набросились на них с криком «ура». Мастера грозили, что в случае отказа взяться за работу по указанным расценкам правление выпишет заграничных рабочих. Раздраженные рабочие начали бить мастеров и одного избили довольно сильно. В среду рабочие собрались на фабрику, но за работу не взялись. Об'явился фабричный инспектор и, выслушав требования, заявил, что они не будут удовлетворены. Рабочие заявили, что в таком случае они не будут работать. В тот же день градоначальник приказал выдать им расчет. От предложенного расчета молодые рабочие отказались, равно как отказались от немедленной денежной помощи со стороны рабочей организации. 26 марта забастовщики рассчитаны. Начальник мастерских Спб.-Варш. жел. дор. Копьев призывал к себе рабочих по 2—3 человека из малярного отделения (за входящими сторож запирал дверь на ключ) и сообщал им «по секрету», что будут понижены расценки, в виду массы безработных и желания увеличить контингент рабочих мастерских. Других отделений пока не трогали. Понижены расценки на Обуховском заводе.

Тверь. Мануфактура Морозовых — это целый городок. На ней работает до тысячи рабочих. Для них выстроены громадные казармы. Есть больница. Есть прекрасная школа, большая библиотека с читальней, которой могут пользоваться рабочие. Есть чайная с театром, вмещающим до 1.500 зрителей, лучшим в городе. Наконец, под руководством известного деятеля по народному образованию Вахтерова, уже второй год функционирует торговая школа. Все эти учреждения возникли на средства Морозовых. Денег не жалели: все они устроены в большом масштабе и вполне доступны рабочим. «Чего же лучше?» скажет, может быть, иной просвещенный и гуманный «друг рабочего класса». «А — все же не даром — ответит ему знающий поближе здешние дела скептик, — кн. Сумбатов для своей пьесы «Джентльмен» выбрал прототипом одного из совладельцев фабрики Ивана Абрамовича Морозова. Не даром в Твери не удается поставить этой пьесы, ибо администрация фабрики скупает все билеты... Как под внешним лоском культурного европейца в сумбатовском городе много азиатской дикости, так и весь блеск образовательных учреждений «Тверской мануфактуры» не мешает разглядеть картину грубейшей эксплоатации, практикуемой фабричной администрацией, — возмутительных порядков, ею сознательно поддерживаемых!.. Вот подлинное письмо рабочего о порядках прядильного отделения: «Директор Иван Семенович Балашов сбавил расценок до такой степени, что хватает только на самое скудное содержание. Помощник директора Балыков, слепой в очках, но в то же время очень хорошо видит и разглядывает те книги, по которым рабочие вызываются за порчу утка и поломку машин, хотя бы это и произошло не по вине рабочих, и очень щедро штрафует их за это рублями и полтинниками. Мастер Рудольф Гунцигер, пузатый и обрюзглый, как сосновый пень. С рабочими обращается очень ужасно, напр., прядильщиков, первых и вторых мальчиков ругает самыми отборными площадными словами, а ставильщиков бьет, когда к нему кто приходит по какому-либо делу. Притесняет заболевших рабочих в записках (не выдает записок) для отпуска в больницу.

«Если рабочий пришел в сортир, да застанет его мастер, то он или обругает или отдует, а то запишет его к директору или его помощнику. Эти два негодяя штрафуют беспощадно. Нет никаких очередных книг для переводки рабочих, когда они с низшей должности переводятся на немного высшую. Этой переводкой занимаются мастера: Зарайский, Сидоров, Плевна. Вот эти-то наушники Гунцигера и занимаются при переводке рабочих обирательством чистыми деньгами и вином. Ни один рабочий, начиная со ставельщика, не повысится, пока этим наушникам не пропоит 5—6 руб. Не проработает он и 2-х часов, как является к нему второй сорт наушников, — подмастерья, напр., Цыган, Николюшкин и др., предлагая без стеснения обычное, вошедшее в законную силу, выражение: «нельзя ли смазать, а то заскрипит?», и рабочему волей-неволей приходится пропаивать и этим 1—2 руб.

Прядильщик не уходит из рук даже шорника, такого же рабочего, как и он сам. Если шорник получит водку, то поставит на станок новый ремень, а если нет — придется работать старым, который рвется через каждые две смены. Машины разбиты и часто разлаживаются. За простой не платят, а подмастерье без водки налаживать не придет.

Жалоб же от рабочих на подмастерьев и смотрителей не принимается. Куда ни приди рабочий — к директору, помощнику или мастеру, — везде он слышит одно и то же: «У меня там есть люди, они распоряжаются». И все идет по-старому. У ткачей дела обстоят не лучше. Пользуясь угнетенным положением рынка и угрожая увольнением, фабричной администрации удалось сильно понизить расценки против того уровня, который был достигнут стачками еще при старом директоре Алянчикове. Осенью Балашов еще урезал заработок на 3—5 руб. в месяц. Не брезгают грабить ткачей исподтишка, напр., переменяя наборные колеса или называя данный сорт товара именем другого, хуже оплачиваемого. Усердного исполнителя он нашел в лице мастера Федора Маркова. По его инициативе прекращен отпуск ткачей в предпраздничные дни и стали штрафовать за разные поступки, за которые прежде не штрафовали.

За время кризиса вместе с экономическим благосостоянием ухудшилось и правовое положение рабочих Морозовской фабрики. В июне месяце прошлого года, против желания комитета и организованных рабочих, прядильщики устроили стачку. Она была проиграна отчасти потому, что полиция прибегла к выселению стачечников из хозяйских квартир. Вообще, наши опричники усердно, но неудачно

разыскивают крамолу, которая свила себе, повидимому, прочное гнездо среди морозовских рабочих. Было несколько арестов, до 40 обысков, ничего не давших. Делались повальные обыски в казармах. Наушников и добровольных шпионов, старающихся выследить связи комитета, развелась прóпасть; таков мастер Любашев, усердно рыскающий по портерным и готовый — по собственным словам — в случае надобности сделаться «социалистом до последней крайности».

(Ал. Ив. Гусев)

Либава, 27 марта 1903 г. Неделю тому назад, в ночь с 20 на 21 марта, Либава была точно обсыпана прокламациями на латышском, русском и еврейском языках, в размере одной тысячи. И на углах улиц, по дворам и — что самое главное — в фабриках и мастерских, где они произвели столь большое впечатление, в особенности латышские, которые были отделаны печатным шрифтом, чего либавцы еще не запомнят. Прокламации распространялись на следующих заводах: в проволочном заводе (1.300 раб.), в Либаво-Роменской железнодорожной мастерской (600 раб.), в маслобойне (300 раб.), в линолейном заводе (100 раб.), в паровой мельнице Берента, жестяной фабрике Баегерта и в целом ряде других мастерских. Полиция и жандармское управление совсем остервенели по поводу этого. Городовые только тем и занимались с 4 часов утра, что срывали и руками, и ножами, и зубами приклеенные прокламации. Уже на следующий день ходила масса переодетых жандармов и верховых городовых, ожидая, не случится ли что-нибудь снова. Приказано околоточным надзирателям до двух часов ночи обходить свои участки: они следят за квартирами подозрительных политических и даже у их окон подслушивают разговоры. Таким образом, распространение прокламаций удалось очень хорошо: так, например, в Либаво-Роменской железнодорожной мастерской всем удалось прочесть расклеенные прокламации. Радуются тому, что основался комитет, ведающий нужды рабочего класса.

Происходили и ничего незначащие аресты: арестовали одного литовца в железнодорожной мастерской за чтение прокламации, он освобожден после пары дней; кроме того, в цирке, где опять частное лицо 22 марта разбросало пачку прокламаций, задержали сына одного либавского буржуа за чтение прокламации, упавшей перед его носом. Жандармы сделали допрос и толстовцу Ландеру, обвиняя его в том, будто бы прокламации составил он, что они — продолжение того письма, которое он написал Бекеру еще до устройства в честь его манифестации. У страха глаза велики. Говорят, что было арестовано пять человек, которые в настоящее время опять освобождены.

Астрахань. Минувшая зима для нашего, связанного с водным транспортом рабочего населения была временем особенно жестоким. С закрытием навигации, когда пароходы длинной лентой вытянулись вдоль берегов уснувшей на зиму реки, для пароходных «рабочих рук» началась страда зимняя — ремонт судов. Масса безработных хлынула к пунктам зимней наемки. Счастливцы закабалились на условиях, продиктованных хозяевами (даже умелые слесаря становились «не рядясь»). Скоро механические заводы, утроивающие и учетверяющие на зиму свой рабочий состав, захлопнули ворота перед ищущими «хозяина». Прекратилась наемка и у более мелких судовладельцев, работающих (чужими руками) на открытом воздухе, и на местной бирже все еще оставалась толпа изголодавшегося люда. «Народ ропщет» — таков был единодушный отзыв близких наблюдателей. «Жить нечем, суда нет, правды нигде нет». — «Да, это так, но делать что же?» — «А что? камни скоро будем выворачивать и пойдем на богачей». Слышались первые смутные отклики народной борьбы, чувствовались напряженное ожидание и искание...

Прошла зима... Никаких серьезных «оказательств» народного движения не наблюдалось; но сердитое народное настроение царские слуги хоть одним ухом, видно, уловили. И вот выписываются тысячи экземпляров книжки небезызвестного генерала Богдановича «Русскому народу на добрую память», снабженной на 1-й странице пастырским благословением Иоанна Кронштадтского. Началась патриотическая выучка с рабочих зав. Нобель. 26 февраля в неурочное время раздался свисток. Рабочие были собраны вместе и перед ними предстал некий «член общества хоругвеносцев» Ширвахов (конторский служащий общ. «Кавказ и Меркурий»). Раздаче брошюры предшествовало краткое «слово», через неделю вышедшее в виде печатного листка. Брошюры, — уверяет оратор, — он получил «от его пр-ства Е. В. Богдановича, которому-де поможет бог (и казна) издавать такие назидательные брошюры». Ознакомление с «назидательной» генеральской «доброй памятью» должно, по мнению хоругвеносца, отшибить у рабочих память на все унижения и муки, которыми наградили их нынешние хозяева жизни, и научит их «повиноваться властям и не вдаваться в распространение мнений лживых людей, которые всеми мерами стараются совратить с пути темный народ». «Беда вам, если посмеете требовать и добиваться силой, — кричит рабочим речистый Шервахов: — попадете в руки правосудия за свои неведомые дела, за что все должны нести кару законную, утвержденную велением монарха нашего». Рабочие «могут легко своего достигнуть», ежели будут клянчить у механика, начальника завода, либо «в крайнем случае!» у фабричного инспектора. Стара побасенка! веками, чай, клянчили! Ника Милуша — тот «всегда старается умиротворить свою страну»... «разве ему, государю, приятно, чтоб были смуты?» (чего уж приятного!), «надейтесь на начальников», и «будем трудиться во всех своих делах, кому что предназначено» (кому пахать и сеять, кому кушать) и «тогда все будет хорошо» (тому, кому и ныне недурно) «и смирно... и да будет с нами бог»... попы, полицейские кулаки и цепкие хозяйские лапы. Аминь! О впечатлении этой затеи на слушателей дает понятие история благодарственной телеграммы Богдановичу. Предложение отправить телеграмму было встречено молчанием. Когда вопрос был поставлен ребром, несколько разрозненных голосов ответили: «согласны», большинство опять молчало. Были еще раз собраны рабочие, на этот раз предстал перед ними заводской инспектор с готовой телеграммой в руках. Снова вопрос о согласии и еще раз молчание большинства. На уклончивое пассивное сопротивление навязываемой мерзости пока еще хватило и того смутного чувства протеста, которое успело проникнуть в рабочую массу отсталого района. Не хватило его на более решительную защиту своей чести: на следующий день обратились к рабочим с требованием подписать текст телеграммы, и, насколько знаем, не посмел отказаться ни один. Раздавались брошюрки и рабочим общества «Кавказ и Меркурий».

Прохоровский рудник (близ Юзовки).

Углепромышленники и их агенты (директора, управляющие) преследуют единственную цель — наживу. Ею обусловливается подбор служащих на рудниках, отношение к полиции, инспекции и т. д. Для достижения ее все средства хороши, начиная от удаления служащих, которые не могут всецело проникнуться этой целью, вплоть до подкупа. Расходы, потребные на это, считаются производительными — шахтер, опутанный со всех сторон, оплатит их сторицею. И как мы видим, расчет этот вполне правилен. Служащие на рудниках доходят до полного обезличения и готовы делать все, что им ни прикажут. Не касаясь при этом инженеров, штейгеров и пр. (как отзываются их угодливость и усердие на шкуре рабочих, всякому шахтеру известно); я приведу два примера из деятельности рудничных врачей. Так, на челковском руднике, когда увечный рабочий обратился к врачу рудника Я. С. Гуровичу с просьбой выдать ему свидетельство, тот ответил буквально следующее: «Пожалей меня, голубчик; выдам я тебе свидетельство, меня с рудника прогонят, обратись к другому». Его преемник на том же руднике Аксюк оказался еще подлее. В прошлом году он выписал из больницы 4 рабочих, получивших увечье на работе и притом недолеченных (экономия в харчах?!). Калеки отказываются уходить прежде, чем им будут выданы свидетельства. Аксюк велел вынести их койки, и больные валяются на полу. На следующий день он лишает их пищи. Больные голодают целые сутки. Наконец, врач приглашает уряд-

ника и калек удаляет из больницы. И только после вмешательства инспекции (по заявлению рабочих) их требования более или менее удовлетворяются. Но и этой угодливости для углепромышленников недостаточно, не у всех ведь так много усердия, как у Аксюка. Они стараются заинтересовать служащих материально в усиленной эксплоатации шахтеров (прибавкой жалованья, процентами). Проценты инженерам и штейгерам назначаются от увеличения добычи угля и от удешевления его стоимости. Как это отражается на шахтере (не говоря уже о понижении платы, сокращении числа рабочих, обременении оставшихся и т. д.), свидетельствует тот факт, что число несчастных случаев на шахте вслед за назначением премий там, где их раньше не было, сразу и быстро растет (экономия на стойках и пр.). В особенности это наблюдается там, где рабочие застрахованы. В этом последнем случае нет и того задерживающего стимула, что придется раскошеливаться в пользу увечных. Перейдем к полиции. Начальник Таганрогского округа Кадников вместе с своим помощником занимается торговыми операциями. Он покупает десятками тысяч пудов уголь на рудниках и ему, как начальнику, делается скидка в 2—3 коп. с пуда против рыночной цены угля, и этот уголь продает на заводы вверенного ему округа по цене копейки на две выше рыночной цены; таким образом, каждый пуд угля дает ему 4 коп. чистого барыша, что при десятках тысяч пудов составляет порядочную прибавку к жалованью и процент к безгрешным доходам. Подведомственные начальнику округа полицейские чины — заседатели, надзиратели, урядники и пр. — поступают уже гораздо проще: они ежемесячно от заводов и рудников получают жалованье и в получении такового расписываются и с ними уже проще поступают; им платят и говорят приблизительно следующее: «смотрите, никаких затруднений руднику не причинять, сор из избы не выносить, а то жалованья лишу и начальнику округа сообщу: он вас уберет».

Теперь несколько слов о прочих правительственных чиновниках, так или иначе прикосновенных к горному делу — горной и врачебной инспекции. Во главе горной инсп. Обл. В. Донск. стоит начальник юго-вост. горного управления генерал Вагнер. Он имеет в своих поместьях дубовые леса и поставляет на крупные рудники «в вверенной» ему области (например, в екатериносл. горнопром. общество, иначе рудник Буроса) дубовые стойки для крепления в шахтах. Стойки его не всегда имеют установленные размеры, но, выйдя из лесов Вагнера, уже беспрепятственно идут в шахты, а там, что бог даст, может и не будет обвала: а если и задавит 2—3 человека, — не беда, новые на их места найдутся. Начальник южн. горн. управления Зеленцов будет еще чище. Он берет «хабар» в неприкрытом виде и нередко делает внушение подведомственным ему чинам горной инспекции: «никаких дел с углепромышленниками не возбуждать». Наблюдение за санитарным состоянием рудников (в Таганрогском округе) лежало на окружном враче Иванове. Инспектирует он таким образом. Приезжает на рудник, ходит по балаганам, нюхает в отхожих местах и помойных ямах и всюду находит вопиющие безобразия — до тех пор, пока не получит так наз. «прогонных». Так было, например, в прошлом году в Франко-Русском обществе. Был Иванов с «комиссией» и инженер Максимов все время увивался около него и хватался за свой карман, ожидая благоприятного момента. Наконец, комиссия куда-то разбрелась (осталось только двое своих служащих, а их стесняться не стоит), Максимов вынимает пакет и протягивает его Иванову со словами: «Вот, ваше превосходительство, вам прогонные». — «Я еще не ваше превосходительство, да и прогонные от казны получаю». — «Ну, а это, пожалуйста, от нас». — «Благодарю», и при этом Иванов положил пакет к себе в карман (этот Иванов недавно получил повышение, — назначен областным врачом Уральских заводов и там уже, как первое лицо в своем ведомстве, вероятно, сорганизует свои поборы на более правильных началах). Таким образом, подобравши под масть себе служащих и купивши всю администрацию и инспекцию, углепромышленники творят на своих рудниках, что хотят. Их надувательству и издевательству над шахтерами нет границ. Всякий протест со стороны рабочих, будь он самый мирный и законный, остается без всяких результатов. А на случай коллективных протестов (беспорядков и так наз. «бунтов») у них есть еще другие средства в запасе. Тут уже они выступают не поодиночке, а организованно (скопом) — существуют ежегодные «с'езды углепромышленников юга России». На этих с'ездах они обсуждают свои общие дела — ходатайствуют перед правительством о разных льготах и подачках. Здесь же решаются вопросы и о том, как бороться с шахтером, если он паче чаяния вздумает бунтовать. Так, года три тому назад (см. протоколы с'езда горнопромышл. Юга России) они решили ассигновать около 100.000 р. единовременно и около 40.000 ежегодно на расквартирование и содержание войск в горном районе и обратились с этой целью к правительству. Мотивировка этого ходатайства самая наглая — им нужны войска, как они выражаются, «для правильного течения промышленной жизни». Услужливое для капиталистов правительство, конечно, не отказало в этой просьбе и дало в распоряжение казаков.

Иллюстрацией того, каким образом достигается это «правильное течение промышленной жизни», служит усмирение беспорядков на прохоровских копях в окт. 1900 г. Начались они из-за понижения заработной платы. В 6 час. утра рабочие собрались около шахты № 10 и дали тревожный гудок. В шахту не полезли и потребовали директора. Во время переговоров с ним надзиратель с урядниками и полицейскими на лошадях врезались в толпу женщин и ребят, находившихся поодаль. Послышались крики: «Что мы будем разговаривать в то время, когда бьют наших жен и детей!», и толпа немедленно обратила в бегство полицию и начала разбивать лавку, контору, дома служащих и пр.; к полудню разошлись. После полудня прибыла сотня казаков и начальник округа Клунников. Вечером в тот же день загудели тревожные гудки и на прочих шахтах, принадлежащих прох. общ. На следующий день на шахте № 10 над предполагаемыми зачинщиками (по списку полиции) была экзекуция по распоряжению Клунникова и под его наблюдением. После экзекуции казаки с начальником округа во главе отправились на № 27, где били нагайками всех оказавшихся на улице. По дороге туда им встретилась партия мужиков с котомками, идущих на заработки. Клунников закричал им: «Стой, бунтовщики!» — далее следует непечатная брань. Напрасно «бунтовщики» утверждали, что они только что приехали и идут со станции. Клунников скомандовал: «Всыпать им, с... с...м» — и «всыпали», а затем арестовали. Когда явившийся через неделю следователь, по рассмотрении паспортов, убедился, что они действительно не могли принимать участия в беспорядках, и робко заявил Клунникову, что напрасно-де их выпороли, тот ответил: «Ну, так пусть это им будет авансом». На вопрос, заданный этому следователю, почему он не заносит в протокол всех этих безобразий, он ответил: «Попробуй-ка я это сделать, меня со службы выгонят, да и из пределов Таганрог. окр. вышлют в три дня». На прочих шахтах с небольшим числом рабочих, где рабочие не производили никаких беспорядков и не шли только на работу за пониженную плату, Клунников являлся со своими казаками, сзывая шахтеров, и под страхом порки немедленно отправлял их на работы.

Г. Луганск, Екат. губ. Завод Гартмана. Здесь работает около 3.000 рабочих. Прежде на этом заводе заработная плата среднего слесаря достигала 80—90 руб. в месяц. Но с появлением на нашем заводе начальника паровозо-строительного отдела Тауссопа заработки значительно понижены и едва достигают 35—40 рублей и если прибавить сюда те многочисленные штрафы, которыми начальство любит так щедро награждать рабочих, то станет ясным то раздражение со стороны рабочих, которое чуть не выразилось в убийстве Тауссопа. Луганский Комитет (он солидарен с Р. С.-Д. Р. П.) выпуском прокламации указал, что убийством делу не поможешь; разоблачив все проделки Т., он рекомендовал истинное средство борьбы за улучшение положения рабочего люда — стачку. Этим Комитет предупредил и уничтожил малейшую попытку совершить убийство. Но так как стачка, по некоторым конспиративным соображениям, невозможна в данном случае, то некоторым из организованных рабочих было решено поручить удалить Тауссопа другим способом, уже

испытанным и во многих случаях удавшимся. На следующий день, по решению, начальник Тауссоп честь-честью был вывезен на тачке, под мешком за ворота, под свист и крик «долой Тауссопа» многочисленной толпы. Но Таус. не оскорбился, да и начальство вместе с фабричным инспектором только посмеивалось, нарочно приняв эту проделку за шутку, и продолжали свои проделки. Комитет выпустил прокламацию «К рабочим завода Гартмана», где предупреждал рабочих, а также и Тауссопа, что если его проделки не прекратятся (понижение расценков, грубое отношение к рабочим), то пусть рабочие готовятся к стачке и ждут комитетского листка. Таус., повидимому, струсил и на следующий день вывесил следующее об'явление:

«В виду распространившихся слухов о том, что расценки на сдельную работу будут понижены на 20%, я считаю нужным предупредить, что расценки на сдельную работу могут быть сбавлены лишь с разрешения фабричной инспекции. В случае же мастера будут самовольно сбавлять, — прошу немедленно заявить мне об этом.

Начальник паровозо-строительного отдела Тауссоп».

В данное время на заводе практикуется такого рода тактика: рассчитывают тех рабочих, у которых есть хоть что-нибудь неблагонадежное — более длинный волос, и начальство решает, что они из «этих — социалистов». А взамен их принимают безработных по очень низкой заработной плате 75 — 85 коп. Далее переполнили городовыми и шпионами весь завод. Да, кстати. Тауссоп боится показываться на улице и выходит не иначе, как под прикрытием двух «ангелов-хранителей», а возле квартиры оставляют пост.

Не дремлет и «бдительное око» наших помпадуров: они под 1 апреля произвели нападение на город Луганск. Но наши «радетели» жестоко ошиблись в расчете. Желая подкосить «крамолу» в корне, производили обыски у людей, совершенно непричастных, и этим только их озлобили против себя.

В тюрьме до 1 апреля сидело 5 человек: И. И. Яковлев, А. Н. Крупницкая (акушерка) и три отбывающие.

ИЗ ПАРТИИ

К 1 мая Организационный Комитет выпустил из партийной типографии и распространил 300.000 майских прокламаций трех текстов.

Нами получены листки, изданные по поводу кишиневских злодейств Киевским, Одесским и Харьковским Комитетами Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии и Кишиневским Комитетом социал-демократической организации.

В Киевском листке (заглавие: «Кому нужны еврейские погромы»), полученном 16 апреля, констатируется:

1) что в Кишиневе для устройства погрома и возбуждения кишиневской голытьбы были посланы полицейские агенты (приметы одного из них — лицо, опаленное серной кислотой; он теперь в Киеве);

2) что в Кишиневе были разбросаны прокламации полицейского происхождения, где упоминались все басни о кровавых еврейских жертвоприношениях;

3) что губернатор (уже после погрома) угрожал богатым евреям еще большим избиением, если они будут упорствовать в своих утверждениях о преступном поведении власти». Далее говорится о признаках того, что «полиция подготовляет погромы также и в других местах и в то же время занимается шантажем, вымогая угрозами погромов взятки с евреев, как, например, на-днях в Аккермане, где полицмейстер потребовал у богатых евреев взятку в 600 р. под угрозой устройства погрома». В заключение говорится: «В виду того, что в Киеве полиция подготовляет еврейский погром, Киевский соц.-дем. Комитет отменяет демонстрацию, назначенную им на 20 апреля, и приглашает товарищей защищать евреев в случае возникновения погрома». Такие приглашения к самой энергичной защите должны делать, по нашему мнению, комитеты всех городов, в которых полиция имеет хоть какие-нибудь шансы устроить погром.

«Подготовление погрома» киевской полицией заключается по полученным нами известиям, между прочим, в распространении листка, напечатанного «с разрешения духовной цензуры», «с ликом Спасителя сверху», в котором рассказывается, как где-то когда-то евреи ворвались в дом благочестивого христианина, начали там бесчинствовать, стали резать икону, из которой показалась кровь, и т. д. Говорят, такие листки продаются за 1½ коп. на базаре. Мало того, распространялась еще гектографированная прокламация, в которой «православные христиане» призываются «взяться за евреев».

Депутатам от евреев, явившимся к Новицкому, этот последний ответил, что если в майской демонстрации будут участвовать евреи, то он не даст ни одного городового для усмирения погрома. Ответ той же депутации полицмейстера Цихоцкого был (если это возможно) еще отвратительнее: полиция будет защищать евреев, если они сами не будут защищаться. Рядом с картиной понятной паники, охватившей еврейское население, корреспондент упоминает и о более отрадном явлении: еврейская молодежь устроила «Комитет самообороны», который насчитывает уже до 900 членов и деятельно вооружается. Нам хотелось бы думать, что в обороне евреев, в случае погрома, примет энергичное участие и русская учащаяся молодежь. Кроме чувства, которое должно толкнуть революционно-настроенную часть нашей молодежи, броситься на защиту жертв от палачей, ее могла бы побудить к этому потребность загладить позорное участие молодых негодяев (семинаристов, гимназистов и даже студентов!) в кишиневских злодеяниях.

Кроме вышеупомянутого листка, нам доставлены еще следующие издания Киевского Комитета за февраль и март месяцы: 1) «Голос киевских рабочих» — 3 февр.; 2) № 8 «Киевского соц.-дем. листка» — 22 февр.; 3) «Ко всем киевск. извозчикам» — 8 марта; 4) «Царский манифест» — 9 марта; 5) «Ответ на „Голос киевск. рабочих“» — 5 марта; 6) «Голос организованных жел.-дор. рабочих» — 12 марта; 7) № 9 «Киевск. соц.-дем. листка» — 21 марта.

Ростов н/Д, 6 апреля (от Донск. Комитета). Все время, прошедшее со дня окончания стачки в мастерских Влк. жел. дор., Донской Комитет вел широкую политическую агитацию среди всех слоев населения Ростова и прилегающих местностей. Им было распространено более 20.000 воззваний, посвященных всестороннему обличению существующего строя; так, им были изданы воззвания: «О 200-летии печати», «Кто придушил нас», «О самодержавии», «Как правительство грабит народ», «Предательское освобождение», «Отчет о деятельности Комитета за 1902 г.». 22 февраля Комитетом были организованы три сходки рабочих, на которых присутствовало более 400 человек; на сходках были произнесены речи о падении крепостного права, о предательском характере освобождения, об аграрной программе русской социал-демократии и о пропаганде в деревне. 1 марта снова были организованы три сходки, посвященные истории революционного движ. в России, деятельности партии «Народной Воли» и оценке террора, как средства борьбы с самодержавием. На одной, самой многолюдной, сходке была произнесена еще речь о взаимоотношении социальных классов в России. Противопоставивши «террористической» борьбе отдельных революционеров с правительством стройную борьбу рабочей армии и выяснивши цель и значение демонстраций, ораторы на всех трех сходках призвали рабочих на демонстрацию в воскресенье 2 марта. Сходки разошлись с пением революционных песен, привлекших внимание ростовской «охраны», благодаря которой в настоящее время степь бдительно охраняется казачьими раз'ездами. В настоящее время Комитет ведет энергичную майскую агитацию; выпустивши воззвание «О демонстрации», «О суде над тихорецкими рабочими», «Ответ книжке Богдановича», Комитет приступил к изданию майских листков. В ночь под Пасху распространено 4.000 листков «О социализме», призывающих готовиться к празднованию 1 мая. 1 апреля, несмотря на все препятствия, удалось устроить две сходки из 250 и 120 человек, на которых произнесены были речи о социализме и политической борьбе. «Демонстрация» учащейся молодежи 23 марта произвела сильное впечатле-

ние на рабочих, очень жалевших, что не узнали о ней заблаговременно. Сильный спрос на нелегальную литературу, в десять раз превышающий ее предложение.

Саратовский Комитет Росс. С.-Д. Р. П. о своих действиях за истекшую зиму извещает:

После присоединения к Комитету Сарат. соц.-дем. ремесленного Союза и соц.-дем. членов Об'ед. Группы соц.-рев. и соц.-дем., Комитетом был составлен общий план работы в Саратове. В числе задач Комитета на первый план была поставлена пропаганда и агитация среди местного рабочего населения. Предполагалось, между прочим, упорядочить и более приспособить к организационным целям кружковую пропаганду Комитета. Комитетом был намечен курс из девяти лекций для кружков. В задачу этих лекций ставилось выяснение слушателям положений научного социализма и программы Росс. С.-Д. Р. П. Далее предполагалось, что лучшие силы из слушателей этих кружков будут намечаться во время кружков занятий и с ними будут вестись отдельные занятия как по теоретическим, так и по вопросам тактики и организации; в результате чего должны были вырабатываться вполне сознательные работники революционного дела — основа и фундамент местной организации. На практике, однако, оказалось, что курс девяти лекций (на деле их число сводилось даже к пятнадцати) проводить не удавалось. Он оказался слишком велик и слушатели то и дело менялись, не выслушивая его до конца, а недостаток квартир и частые их провалы при усиленной слежке страшно затрудняли собрания. Приходилось урезывать программу, сжиматься, и, довольно большое по Саратову, число кружковых рабочих (до 200 чел.) сильно сократилось. На первый план выдвинулась необходимость широкого распространения популярной революционной литературы, как необходимого условия поднятия политического сознания в рабочей массе. Распространение литературы должно было также пополнить и пробел в пропагандистской работе Комитета, образовавшийся после уменьшения числа кружков. К сожалению, у Комитета не было в распоряжении достаточного количества популярной партийной литературы, и все попытки получить ее извне долгое время не увенчивались успехом. Этой потребностью в литературе в значительной степени обусловливалось развитие издательской деятельности самого Комитета, и листки последнего носят поэтому не только агитационный, но пропагандистский, популяризаторский характер. За зиму Комитетом были изданы прокламации и листки: «Ко всем сарат. жителям» — 300 экз., «К рабочим конки» — 200 экз., «К рабочим мельницы Шмидта» с прилож. Устава раб. кассы — 100 экз., «Обвинительный акт по делу о саратовских демонстрациях» — 600 экз., прокламации о суде — 3.000 экз., «Ко всем сарат. рабочим» (о крестьянских волнениях) — 650 экз., «К солдатам» — 2.000 экз., «К рекрутам» — 2.000 экз., «Что же делать?» (по вопросу о терроре) — 2.000 экз., «Россия — тюрьма» — 1.500 экз., «Варфоломеевская ночь» (об арестах на 1 ноября) — 600 экз., «Извещение о приговоре над демонстрантами» — 600 экз., «Судебная трагикомедия» — 1.500 экз., «О суде» — 600 экз., о том же — 2.000 экз., «К рабочим завода Бэринга» — 600 экз., «Открытое письмо в „Искру“» (напечатанное в № 32) — 200 экз., «О ростовских событиях» (по поводу правительственного сообщения) — 600 экз., о том же две перепечатки из «Искры» — по 600 экз., речь Заломова (из «Искры») — 600 экз., речь Быкова — 1.500 экз., «О налогах» — 600 экз., «19 февраля» — 3.000 экз., «О манифесте» — 1.500 экз., стихотворение — 600 экз., «О златоустовской бойне» — 1.500 экз. Кроме того, были распространены в количестве около 4.000 экз. листки Спб. Комитета партии №№ 2 — 7 и листок «Что такое политическая свобода?». В то же время Комитет распространял, помимо чтения в кружках, и отдельные брошюры.

Возгоревшаяся полемика между соц.-дем. и соц.-рев. поставила кружки в новые условия: со стороны слушателей настоятельно ставились требования о раз'яснении различия между соц.-дем. и соц.-рев. Главными вопросами кружковых занятий стали вопросы о выяснении программы росс. с.-д. и отличия ее от программы соц.-рев., вопросы о терроре, классовой борьбе и пр. Спрос на соц.-дем. литературу сильно растет как в городе, так и в деревне, где у Комитета до прошлого года было еще мало связей. И Комитету до сих пор далеко не полно удается удовлетворить эти требования.

За последние 6 мес. Комитет израсходовал на местные нужды 1.139 руб. 55 коп., передал на партийные дела 495 руб.

Одесский Комитет тоже издал в марте листок «Царский манифест 26 февраля» и в апреле «Воззвание ко всем» о той «смуте», на которую жалуется тот же манифест. Его воззвание «К обществу» по поводу кишиневских злодейств, совершенных под руководством полиции, заканчивается словами: «Пусть те, кому дорого человеческое достоинство, свобода, даже жизнь, придут к нам на помощь. В настоящее время быть только зрителем — стыдно, даже более того — преступно. Кто не противодействует, тот содействует». Листок констатирует, что как в Кишиневе, так и в самой Одессе жандармерия распространяла через своих агентов прокламации против евреев «с разжигающими дикие инстинкты толпы картинками».

Тем же Комитетом изданы о тех же событиях «Письмо очевидца» и еще одно воззвание — оба печатные. — Кишиневский Комитет издал майское воззвание (печат.). — Елизаветградский — прокламацию о положении рабочего класса в России; союз горнорабочих издал листок о стачках и «бунтах» (4.000 экз.), о первом мая (8.000 экз.) и — в 4.000 экз. — призыв к празднованию 1 мая. — Брянский Комитет издал также майское воззвание. — Соц.-дем. группа в гор. Александровске, Екатеринославской губ., — два листка крестьянам села Вознесенки.

Николаевским Комитетом изданы: 1 янв. — № 6, 1 февр. — № 7 и 1 марта — № 8 газеты «Наше Дело», очень богатой материалом из жизни местных рабочих. Газета (в две страницы большого формата) прекрасно отпечатана.

Саратовский Комитет издал (на мимеографе) по поводу златоустовской бойни листок под заглавием «Шестой расстрел рабочих». — Листок Уфимского Комитета о той же бойне, озаглавленный «К гражданам», отпечатан в «Урал. соц.-дем. тип.». Сверх того, издан еще один листок о том же событии и «Письмо очевидца». — Сибирский Комитет выпустил из своей типографии к майскому празднику четыре прокламации разного содержания. Сверх того, отдельное воззвание издано им к солдатам и казакам. О майском же празднике издано воззвание Ц. К-ом учащихся средне-учебных заведений.

Томск. Вышел переизданный № 34 «Искры» в количестве 150 экз., распространен по всей Сибири.

Вышло в количестве 300 экз. переизданное «Что случилось?» из первой книжки «Зари».

Группа рев. соц.-дем. об'единилась с Сиб. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Киев. 7 апреля взяты: студенты — А. Гуревич, В. Бланки, И. Берлин, И. Прилежаев, Ф. Тимофеев; политехн. Ф. Казанский, акуш. Фрумина, ученица зубовр. школы Анна Лувищук, женщ.-врач Лидия Пекар; интеллигенты: Е. Диккер, Ольга Бланки, Сара Альтшулер, Ева Черняк, Екат. Кузнецова, Екат. Лисс, Софья Любимцева, Анаст. Кузнецова, Над. Волкова, учитель Бабицкий, токарь Ив. Полозев, типогр. Федор Короленко, наборщ. Ив. Любимцев, рабочие: Мария Толмачева, Федор Алексеев; 8 апреля: инт-ты Королева, Леонтина Гринфельд, Берта Жинжерова, Алекс. Берлин, Веньям. Гринфельд; 13 апреля: токарь М. Пружинин, литейщ. Захарий Круцев, слесарь Р. Ефимов, портные Г. Каган, Ю. Златин, литейщ. М. Жижин, заготовщ. Г. Гальперин, столяр И. Райцен, маляр Пав. Глозман, слес. Арон Романовский и Григ. Колтунов, модистка Анна Грицевич, электротехн. Григ. Гусаков, учен. зубовр. школы Школьников, ученица акуш. школы Р. Мунвез, политехн. Вольский, Темкин, Маркович, Кауфман; 14-го — студ. Д. Потемкин и В. Зеленко. По слухам, арестовано около того же времени 10 офицеров и отвезены в С.-Петер-г. — Екатеринослав. В середине апр. арестованы 18 человек, в том

числе г-жа Вульфович и В. Цедербаум. — Петербург. В начале апреля взята типография «Рабоч. организации» и склад изданий; 18 апреля были массовые аресты. — Одесса. Взят доктор Богомолец. — Москва. Арестован Сладкопевцев, при нем взято оружие и адрес домовладельца Киреевского. Последний арестован и у него же арест. какая-то дама. Сладкопевцев увезен в С.-Петербург.— Ярославль. Опять аресты (на страстной или Пасхе). Арестовано человек 26, большею частью учащаяся в средне-учебных заведениях молодежь. Арестован во второй раз Соболев, ст. и Нина Дидрикиль. — Кронштадт. Арестовано 20 матросов и 2 офицера. — Казань. Арестовано 16 человек. — Красноярск. В марте арестованы: Влд. Иков, рабочий Мацкевич, ссыльная Т. Аркусская.

Уфа. В ночь на 24 марта арестованы три интеллигента и один рабочий. В Уфимскую тюрьму из Златоуста привозят интеллигентов и рабочих. Штат жандармов увеличен.

Приговорены: по нижегородскому делу 1901 г.: Мария Тихомирова — 3 г. Вятск. г., Анд. Войткевич и портниха Анна Булатова — 3 г. Вологод. губ.; по петербургскому делу — Павел Торецов — 3 г. Арх. губ., по петербургскому делу «Искры» (дек. 1901 г.) сосланы на 5 л. в В. Сибирь: г-жи Рубинчик и Минская; на 3 г. в Вятскую — Екатерина Гуро, Соболева, Зайцев.

Прошли через Красноярск сосланные в В. Сибирь: Давид Кац и Хаим Закон (по делу Бунда 1901 г.) — до приговора, екатеринославск. демонстранты А. Дворецкий (5 л.), Х. Ерманок (5 л.) и Роза Гольдберг (4 года), Алекс. Яндовский из Кишенева (4 г.).

Бежали из Восточной Сибири: 1) Р. Заславская, сосланная из Москвы на 3 г. по делу о перевозке «Искры»; 2) бывш. студ. Серг. Антропов и 3) раб. Викт. Ногин — нелегальные, арестованы в 1901 г. по петербургскому делу «Искры» и сосланы до приговора после годичного заключения и 4) Абрам Гаккельман из Пинска (по делу 1901 г.).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Вышла новая брошюра «В казарме» (из наблюдений солдата социал-демократа).

От редакции: Неожиданные события в Кишиневе побудили нас несколько изменить содержание выпускаемого номера. Благодаря этому, приуроченный к 1 мая обзор событий революционного года пришлось отложить до следующего номера, который, если обстоятельства позволят, будет нами выпущен до обычного двухнедельного срока.

Из Парижа: в февр. 100 фр., в марте 300 фр.; от «своего» 50 фр. Из «ь» (мягк. зн.): сборы 125.10 фр., за литер. 75.30 фр., от консума 34.40 фр., на изд. запис. Л. Дейча 44 фр., на попул. лит. 34 фр., всего 317.10 фр. Из Л. через М-ую за лит. 200 мар., пожертв. от N 10 мар., от Отского 1 м. и от Спорящих 1 м. С берегов Женевск. оз. по подп. л. № 56 — 55 фр. Из Вены за литер. 44 фр., из М-ка 200 мар., из М. за литер. 39 фр. Из Цюриха: за литер. 65 фр. и 5 р. от П. Из Брюсселя: 82 фр. и в Сибирск. касс. 3.50 фр. От Македонца для златоустовцев 5.60 фр. Из Нью-Йорка 25 долл. Из Новочеркасска чрез Сем. Троф. 5 руб. Через «Южный Рабочий» поступило на технические нужды Орган. Ком.: от Х. — 175 руб., от У. — 125 руб., от 11 — 250 руб., от 27 — 200 руб., от Z. — 250 руб., от Жоржа — 100 руб., от 33 — 150 руб., от 49 — 100 руб. Всего 1.350 руб. Получено крысой с 20/III по 6/IV: от милых сердцу 10 руб., долг племяши 10 рубл., от молодого комитета 15 руб., от N. N. N. — 79 руб., Спб. — 215 руб., от головотяпов — 50 руб. Всего 379 руб. Получено: от Аспида Васьки 100 руб., от Пушкина и Мартышки 80 руб., через Надю 60 руб., от ветра 60 руб., 2 фунта за литер. из Лондона. В пользу арест. собрано в Лейпциге 9.50 мар., в Дрездене — 16 мар. От «не-искровца» для Орг. Ком. 50 руб., из L-а — 170 мар., через Надю 25 руб., от Георгины Гали 210 руб., от Надежды Вас. 100 руб., от Певуна 11 руб., через Надю 65 р., от Пионы 14 руб., от Рузи 60 руб., от Жана 10 руб., сбор через N. 13 руб., от ребенка 20 р., от Воронежск. с.-д. «Кассы борьбы» 100 р., из Сиб. для «И.» 350 мар., от № 10 — 13 р.

В почтов. ящ. № 38 вкрались след. опечатки: от женевской группы напечатано: 13.20 фр., должно быть: 132.20 фр.; из М-а напечатано 14 фр., должно быть: 24 фр.

Памятник на могиле М. А. Бакунина. Группа наших соотечественников, живущих в Швейцарии, взяла на себя почин постановки памятника на могиле покойного М. А. Бакунина, похороненного в Берне. Эта группа просила нас напечатать воззвание, написанное ею по этому поводу. К величайшему нашему сожалению, недостаток места не позволит нам исполнить эту их просьбу. Мы вынуждены ограничиться напечатанием адреса, по которому лица, живущие за границей, могут отсылать свои пожертвования. Вот этот адрес: Herrn Monumentoff, Russischer Leseverein, Bern, Schweiz. Пожертвования могут быть передаваемы также через редакцию «Искры».

Нам остается прибавить, что, несмотря на глубокие различия, отличающие наши взгляды от взглядов М. А. Бакунина, мы умеем ценить в нем человека, в течение всей своей жизни твердо и самоотверженно боровшегося за свои убеждения. Таких людей, к сожалению, слишком мало еще у нас в России, и память их должна быть дорога даже для их противников. Вот почему «Искра» вполне готова содействовать предприятию г. Монументова и его товарищей.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. «Последние Известия»—информационный бюллетень заграничного комитета Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России (Бунда). Всего вышло 256 номеров (1901—1905 гг.).

Прим. 2. Дегаев Сергей — артиллерийский офицер. В партию «Народной Воли» вступил в 1880 г., был членом ее Исполнительного Комитета и военного центра. Арестованный в декабре 1882 г. в Одессе, становится провокатором. После фиктивного побега, устроенного ему инспектором секретной полиции Судейкиным, выдает полиции ряд членов военной организации партии. В 1883 г. Дегаев сознается Исполнительному Комитету «Народной Воли» в предательстве и по поручению последнего организует успешный террористический акт на Судейкина.

Прим. 3. Вандервельде Эмиль (р. в 1866 г.)—бельгийский социалист, ревизионист, крупнейший лидер II Интернационала. Во время империалистской войны первый социалист, вошедший в буржуазное министерство.

Прим. 4. «Народная Воля» — газета. См. прим. 7-е к № 26 «Искры».

Прим. 5. Тэн Ипполит (1828 — 1893) — известный литературный критик, теоретик искусства и историк Великой Французской Революции. Многотомный исторический труд Тэна распадается на три части: «Старый порядок», «Революция» и «Новый порядок». Последняя часть осталась незаконченной. «Воинствующий консерватор» по своим политическим убеждениям, Тэн, особенно под влиянием Парижской Коммуны, дал пристрастное описание событий революции, отрицательно рисуя деятельность якобинцев и эпоху революционного террора.

Прим. 6. Речь идет об известной книге швейцарского профессора А. Туна «Geschichte der revolutionären Bewegungen in Russland», переведенной на русский язык В. Засулич под названием «История революционного движения в России». Характеристика Туна дана Л. Дейчем и Г. Плехановым в предисловии к этой книге.

Прим. 7. «Народовая Демократия» — влиятельная польская националистическая партия. Возникла в 1888 г. в виде «Польской Лиги», на с'езде в 1897 г. переименована в «Народово-Демократическую Партию». Об'единяла в своих рядах значительную часть помещиков, буржуазии и интеллигенции. Вначале ставила своей целью создание независимой Польши, в дальнейшем, в связи с ростом пролетарского движения в Польше и укреплением связей между польской и русской буржуазией, партия быстро правеет и становится реакционной. С 1919 г. приняла название «Народно-Национального союза». В настоящее время является партией промышленной буржуазии.

Прим. 8. Речь идет о конституции 20 апреля (3 мая н. ст.) 1791 г., принятой Великим Сеймом Речи Посполитой.

Прим. 9. П. П. С. — Польская Социалистическая Партия — возникла в 1892 г. П. П. С. стремилась к воссозданию пролетариатом независимой польской республики из русской, австрийской и германской частей Польши, путем вооруженного восстания против царизма и террористической борьбы. Партия об'единяла в своих рядах националистически настроенную мелкую буржуазию, революционную интеллигенцию и некоторую часть польского пролетариата. В 1906 г. П. П. С. раскололась на два крыла: правое («правица») и левое («левица»). В 1919 г. из правого крыла возникла нынешняя П. П. С.; из Соц.-Демократии Польши и Литвы и левого крыла в 1918 г. образовалась Польская Коммунистическая Партия.

Прим. 10. П. С.-Д.—неточное обозначение Соц.-Дем. королевства Польского, основанной в 1893 г. из Союза польских рабочих (1888 — 1889) и остатков так называемого второго «Пролетариата» (основан во второй половине 80-х годов). В 1900 г. партия об'единилась с Рабочим Союзом Литвы, приняв название С.-Д. К. П. и Л.

С.-Д. К. П. и Л. была революционной пролетарской партией. Начиная с 1905 г., она сближается с партией большевиков, несмотря на некоторые разделявшие их разногласия (по национальному и аграрному вопросам). С 1912 г. — после раскола в С.-Д. К. П. и Л. — одна часть партии («разломовцы») еще более сблизилась с русскими большевиками. В 1918 г. С.-Д. К. П. и Л. об'единилась с «левицей» П. П. С., образовав Коммунистич. Рабоч. Партию Польши, нынешнюю К. П. П.

Прим. 11. «Пролетариат» — Польская Социалистическая Партия (PPS Proletariat, так назывался третий «Пролетариат», который не следует смешивать с партией «Пролетариата» 80-х годов) — образовалась в результате развала П. П. С. в 1900 г. Ее программа, как и руководящие статьи ее печатных органов, отражает отсутствие цельного мировоззрения у ее идеологов. Марксизм здесь уживался с субъективной социологией.

В области политической партия «Пролетариат», не отказываясь от задачи восстановления Польши, ближайшими целями ставила себе демократизацию государственного строя России на началах децентрализации и предоставления Польше широкой автономии. Партия «Пролетариат» стояла за сближение с русским революционным движением и отстаивала террористические методы борьбы. В аграрном вопросе партия отстаивала национализацию земель на основе выкупа.

В революции 1905 г. «Пролетариат» не играл большой роли, а после ее поражения партия распадается (1907 — 1909 гг).

Прим. 12. «Fria Ord» — «Свободное Слово» — нелегальный орган финских и шведских буржуазных конституционалистов, боролся против нарушения финляндской конституции. Выходил в Стокгольме в 1899—1905 гг. Печатался на финском и шведском языках.

Прим. 13. Речь идет о призыве 1903 г., когда царское правительство призвало в Финляндии всего 190 человек, только для пополнения гвардейского батальона, вопреки уставу 1878 г., по которому призыву подлежало 2.300 ч.

Это нарушение прав финляндцев в отношении национальных войсковых частей вызвало протест и волнения в Финляндии (описание последних см. в № 33 «Искры»).